

ББК 84 (2Рос)
Я43

Составители:
В.Р. Исаков, В.В. Шадурский

Оформление, компьютерная верстка
В.И. Березовский

"Ярославов день: сборник поэзии и прозы". - Великий
Новгород: ЗАО "Новгородский технопарк", 2010. - ©

Сборник поэзии и прозы 33 авторов выпущен к
университетскому празднику "Ярославов день".

Основу книги составили творческие работы участников
Литературного клуба при НовГУ. Сборник в значительной
мере отражает мысли и чувства современников -
большой частью новгородцев, так или иначе связанных с
университетом.

с - Новгородский государственный университет, 2010.
с - Авторы, 2010.

"Ты узнаешь меня по единой черте или взгляду..."

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Очередной сборник (уже четвертый по счету) традиционно приурочен к Ярославову дню - празднику Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, ставшему областным праздником образования и науки.

57 человек изъявили желание быть авторами сборника. Это своего рода рекорд за время организации в НовГУ литературных изданий. Как и ранее, подавляющее большинство претендентов предложили для публикации стихи. Однако в результате жесткого отбора "под обложкой" оказалось всего лишь 42 автора. Причем впервые поэзия и проза представлены в неравновесном состоянии: две трети сборника отдано поэтам.

К сожалению, составителям пришлось учитывать не только новизну в образах, суждениях, формах изложения присланных материалов, но и знание правил русского языка. Поэтому еще одно новшество, которое, безусловно, удивит читателя, привыкшего к нормам русского литературного языка: часть произведений публикуются в авторской редакции. В ряде случаев составители были вынуждены смириться с пунктуацией своеобразных поэтов и прозаиков: например, с расстановкой запятых "по интонации", с

неожиданным появлением точек и строчных букв на местах букв прописных. Некоторые авторы и вообще "плыли без знаков"... Но при обнаружении небрежности или очевидной пунктуационной безграмотности проводились консультации и даже экстренные мастер-классы по исправлению картины "препинаний" - иногда самобытные творцы искренне обещали обрести необходимые знания. Окончательный вердикт по этому опыту пусть вынесут читатели.

Итак, нынешний сборник содержит 3 раздела.

Первый раздел, обозначенный строкой одного из публикуемых поэтов - "Мир волнует, трепещет, тревожит, и требует сути...", - собрал молодых авторов от 18 до 40 лет, которых (что естественно) отличает острота и необузданность чувств, страсть, энергичный отклик на события личной и общественной жизни. Не потому ли здесь больше неологизмов, ломки традиционных ритмов, вообще - эксперимента и поиска? Лирические герои стихов этого раздела радуются, любят и горюют в непростом, взрывном, противоречивом настоящем времени и познают окружающую действительность, задумываясь о возможности или невозможности изменить его в лучшую сторону. Иногда они готовы и к самобичеванию и к вынесению приговора - себе и всему миру...

Второй раздел - "А наша жизнь - песочные часы, которые нельзя перевернуть" - собрал авторов, умудренных жизненным опытом. Здесь

в чувствах преобладает умеренность, проявляются взвешенный взгляд на мир, неторопливое суждение, обстоятельность. Здесь больше философии, отстаивания выработанных временем пристрастий, принципов, традиций. Обращение к прошлому в стихах поэтов этого раздела больше похоже на глубинное погружение в причины и следствия, на образное исследование "начал и кончин", будь то строительство БАМа или Великая Отечественная война, Древняя Русь или время Сталина, или события молодости, воспоминания о друзьях, любимых...

Третий раздел - "Внезапно, как от шальной пули, захлебнулось сердце" - отдан произведениям повествовательного характера. Их объединяет то свободное дыхание авторов, не стесненное тисками строгого ритма или рифмы, которое возможно только в прозе. Но и здесь есть лирика, музыка, свежесть метафор и "половодье чувств". В этом разделе читатель найдет воспоминания, рассказы, новеллы, миниатюры и афоризмы... Впервые в прозаическом разделе представлена иностранная проза (в прежних сборниках публиковались только переводы стихов): читателям предложен новый перевод с английского языка известного мистического рассказа Уильяма Джейкобса.

В заключение хотелось бы заметить, что за прошедшие полтора года существования клуба сложилось своеобразное содружество его

участников, для которых становятся важными не только публикации, но и общение, обсуждение произведений, встречи с читателями, что называется, "лицом к лицу". Участники клуба находят время для совместных мероприятий, выступают на литературных вечерах, поэтических фестивалях, праздниках в честь ветеранов и молодежи. Они хвалят друг друга за покорение новых высот и вместе переживают ошибки. А в целом - помогают себе и окружающим жить счастливее.

Хочется, чтобы и все люди по прочтении таких книг узнавали друг в друге лучшее, ценили главное, становились ближе и человечнее.

*Владимир Исаков,
Владимир Шадурский*

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

***"МИР ВОЛНУЕТ, ТРЕПЕЩЕТ,
ТРЕВОЖИТ, И ТРЕБУЕТ
СУТИ..."***

ГРИГОРИЙ КНЯЗЕВ

СТУДЕНТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА

В небе вывешены звезды и луна.
Из огня ли? или дыма? изо льда?
Что за звездами, скажите? - Тишина...
Что, скажите, за луною? - Темнота...
 Что, скажите, в темноте да в тишине?
 Что, скажите, на луне да на звезде?
 Может быть, во льдах, в дыму или в огне
 Души странствуют по миру в пустоте?
Что, скажите, за луною-тишиной?
Что за звездами, скажите, - темнотой?
Может быть, забытый мною мир иной?
Как земной? да за невидимой чертой?
 Что, скажите, у невидимой черты?
 Темнота, и тишина, и вечный сон?
 Иль в безвестные вселенные мосты,
 Где неведомый главенствует закон?
Я ли в небо бесконечное смотрю?
Что, скажите, в беспредельности его?
Что, скажите, у Вселенной на краю?
Никого, и никогда, и ничего?..

МОЛИТВА

Необидчиво молчать
Научи меня, о, Боже:
Будет слово мне дороже,
Буду знать, с чего начать.
Заповедал Ты внимать
Облакам и небосводу
И печальную свободу
Без укора принимать.
Дай же слышать не себя
И себя - одновременно;
Душу ближнюю любя,
Изъясняться сокровенно.
Чтоб вовеки не забыть
Это пение ночное
И биение земное -
Научи меня любить.
И тогда моя душа,
Как по-новому дыша,
Полегчает, прояснится,
С мировой душой сроднится.

Проводи меня в путь, да не брось на остатке
пути.
Будет солнце листвою звенеть, как о волны
дробиться.
Жизнь моя, словно луч неприметный, по свету
лети
И ложись в океан, точно лунного блеска
крупнца.

Позови меня в путь и во мгле не оставь
голубой,
Озарив мое сердце - немое, ночное,
пустое...
Будет биться о серые камни кипящий
прибой,
И ракушки усеют жемчужные дно золотое,
Где звезда, как слезинка, упала с горячей
щеки,
Где со днем предстоящим готовится ночь к
поединку.
Проводи меня в путь, как на берег небесной
реки,
И в песок урони, и в песок урони, как
былинку.

В краю лесных озер, где воздух чист,
А воды маслянисты и темны, -
Прозрачны вечера, и птичий свист
Пронизывает розовые сны.
Сосновый бор и светел, и высок,
И охристые сыплются лучи.
И раскален полуденный песок,
И холодны подземные ключи.
Там солнца рябь пятнает гладь озер,
И томен день, и воздух шелковист,
А ветви, словно сотканный узор...
И не один не тронут ветром лист.
Там время не на дни, а на века,
И первозданны свет и тишина.
Луна струится, гаснут облака -
И никого! Лишь светом ночь полна.

Ключи питают синь озер и рек.
Забытый рай, нездешние края.
Там времени не чувствуется бег,
И тает, как во сне, душа моя...

29 МАРТА 2010 ГОДА

И что с того, что мне отмерен срок,
Ушедшие под землю безвозвратно?
На вашем месте я погибнуть мог,
Но жив. И слава Богу. Ну и ладно.
 Я вчитываюсь в ваши имена,
 Ушедшие на небо безвозвратно.
 Калечат душу эти времена,
 Но жив. И слава Богу. Ну и ладно.
Как в черную дыру небытия,
Я упаду и, сам того не ждавший,
Я попаду в пустынные края
 И пропаду, другому жизнь отдавший...
 Меня уносит времени волна.
 Среди живых, как без вести пропавший.
 И не припомнят наши имена...

Как на кромке воды,
Замывая следы,
Исчезает, свернувшись, улитка,
Так и мне бы уйти
 На обратном пути,
 А пока приоткрыта калитка.
 Эту видел весну,
 Эту видел луну,

Эту видел заморскую птицу,
Этот видел закат,
Что на рифмы богат, -
Только жизни не видел границу.
"Я ль богато живу? -
Сумасшедшим слыву!
И язвительный, а тонкокожий.
На себя самого непохожий.
Я ль красиво пишу? -
То и дело грешу!
Исполнитель диговинных песен,
Хоть себе самому интересен...
Пусть любовь и талант
Не в оправе бриллиант,
Не картина готовая в раме,
А игра в поэтической драме.
Но зачем же тогда
Стольких слов череда,
Если это во мне отзовется -
От бессонных ночей
До бредовых речей, -
А потом, как строка, оборвется?"
Да на чаше весов
Только слов толкотня,
Только шелест часов
Уходящего дня,
Только серость, и сирость, и сухость,
Только сердца щемящая глухость...

На настенных часах замирает секундная
стрелка,
Бьется сердце твое - бьется сердце мое -
бьется сердце твое.
На холодной постели остыла забытая грелка,
И горячее стынет на тумбочке нашей питье.

Намело, и бело, и дорога едва различима.
Вот огонь разыгрался и бесится в жаркой
печи,
А в морозное небо - клубы розоватого дыма,
И не выпросишь света у белой оплывшей
свечи.

Ты узнаешь меня по единой черте или взгляду
-
Я узнаю тебя по тому, как бездейственны дни.
Говорю о тебе, говорю до утра, до упаду.
Ты любишься мной и не слышишь моей
болтовни.

За окном серебрится поземка. Пустынно и
снежно,
И звезда в прояснившемся небе прильнула к
звезде.
И струятся в блокноте слова и ложатся
небрежно
На последнем листе, словно бисер на сером
холсте.

Я замру у стола и рифмую случайные строки,
Ты в углу, на кушетке, с помятой газетой в
руке.

И никто из друзей не окликнет меня на
пороге,
И никто не пройдет по дороге, свернув
вдалеке.

Я к тебе обернусь и смотрю на тебя
неотрывно,
А черты твоего разглядеть не способен лица!
И, наверное, я для тебя и с тобой неизбывно,
И, наверное, дню откровений не будет конца!

Я хожу за тобой по пятам...
Ты, наверное, хочешь свободы
От моей ежечасной заботы, -
И своим предаешься мечтам.

И своим предаешься мечтам!
И хотя недосказанность ранит,
Но меня еще более манит
День за днем к твоим детским годам.

День за днем к твоим детским годам
Я все меньше и меньше причастен -
И ребенком представить невластен,
И несчастен, что не был я там!

И несчастен, что не был я там,
Что тебя и не знал, и не видел...
Коль вниманьем, дай Бог, не обидел,
Я хожу за тобой по пятам.

Я хожу за тобой по пятам.
И, в какую бы цель ни глядела,
Я гляжу на тебя то и дело,
И твоим подражаю чертам.

СТЕПАН ДМИТРИЕВ

выпускник
филологического
факультета,
лидер группы
"SAYGON"

СТАЛЬ

Не хватает того, чего вечно должно быть в
избытке. Смотри,
Мир, что грызся снаружи, точит нож у меня
внутри.
След, который оставил на хрупкой бумаге
мой почерк - не светлая вязь,
А всего лишь чернильная химия, вязкая синяя
грязь.

Надорвавшийся кокон. Что видишь сквозь
узкую тощую щель.
Окна чьей-то любви да безумную сущность
чужих вещей.
Голозадые звезды, содрогающий вселенную
вечный оргазм.
Чай с ведром кокаина, Ягуар шурит ласковый
глаз.

Любопытный ребенок раздирает собственный
мозг, чтобы что-то понять.
Недоступная женщина ложится одетой в
твою кровать.
И живущие в страшной стране не желают
выехать прочь.
Те, что видели утро, но поверили старым
часам, что все еще ночь.

Ложь цветная подкладка для трусов и пальто
от кутюр.
И опавшие листья шуршат, как сухие
бумажки купюр.
И течет золоченая вольная жизнь из сосуда в
сосуд.
А пока нас научат, как не показывать вида,
когда суки сосут
Из трепещущей жилы пьяную кровь на
казенных щах.
Я смотрю на любовь, а мне видится Ксения
Собчак.
Кто кует из пластмассовой Стали
всепогодную молодежь...
Боже, или не видишь чего и кому ты даешь?..

Как недавно ослепший, я помню, что значит
смотреть на свет.
Но глаза в темноте и других ориентиров нет.
Только эхом вернется вопрос из густой тени.
Господи, ты живой? Или мы здесь совсем
одни?

ШАМАН

Что поделать шаману, когда голоса молчат...
Он сидит у воды, чертит палочкой на песке.
Осень лижет листву.

И обломанных стрел колчан
За спиной уходящего лета... Охота...

С кем
Разговаривать ветхому, сгорбленному
старiku.

Духи душат, от них остаются каверны ран.
Это только кажется:

человек на пустом берегу,
А на самом деле не человек - дыра.
И гляди в нее,

осознавая с ужасом то,
Что в ответ из нее на тебя глядит пустота.
Как глухая вода под высоким блестит

мостом
И навязчиво шепчет: "Давай же! Шагни с
моста!"

Это гулкое эхо, отколовшееся от стены,
До которой пути бесконечная лента лет.
Что поделать шаману, забывшему свои сны,
Без добычи вернувшейся в ветхий колчан
стреле?

Спит вогульское небо.

Сухая тайга молчит.
На песке тонкой палочкой выведены руны
звезд.

И несут по камням заплетенные в жгут ручьи
Свою темную воду под самый высокий мост.

Уставший ждать зари приляжет на постель.
Над крышей звездный лес. Зима стучится в
двери.
Что принесла с собой комета на хвосте?
О чем не говорят в замерзших соснах звери?

Приснились впопыхах - извивы белых рек.
Холодные следы на ледяных торосах.
А ночь молчит звездой в колодезной дыре,
Не произносит слов, не задает вопросов.

И не ищи во снах пути. Не думай так,
Как будто бы открыл всю суть и сердцевицу,
Когда в душе сквозит колодезем пустота
И белая звезда лучом щекочет спину.

Лежу и чувствую вдвойне тяжелый вес.
И слышу, как земля скрежещет осью.
В мое окно стреляет солью звездный блеск
И воздух болен: тридцать семь и восемь...

Вспотевший город, словно скользкий липкий
змей,
Обвивший кольцами раздавленные крыши,
Шипит и плавится. Бессонный скарабей
По небу катит шар луны все выше, выше.

Пока земля скрипит, пока на небе звук,
Жужжат движеньем звездные колеса,
Я должен чувствовать двойную тяжесть букв
И понимать, что слог - это серьезно...

ВЛАДИМИР ШАДУРСКИЙ

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ
РУССКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Вот стоило автобусу уехать,
И вмиг стихи пошли привычною грядой.
Как будто бросили меня - стареющую Пьеху,
И позабыли пропуск дать на праздник жизни
той.

Пускай! Я благодарна и вокзалу,
И кассе, где получен мной отказ.
И есть мотив - дать очередь вокалу
И дать душе лирический приказ.

Всех уравнивает земля. Всех. Но не всё.
Что-то поднимется в небо, что-то исчезнет
совсем в круговороте времён.
Молча планета горит, тихо так катится в
бездну,
Мы же о счастье мечтаем..Счастье похитил
шпион.

Опять одиночество.
Мысли и чувства.
И всё, что так нужно,
Чтобы стихи потекли.
И как расставаться с недугом?

Так дружно

Мы с ним прожили тысячу лет.
Но это коварство, но это тщеславие мига,
Ведь как упоителен вечер отказа от дум.
Какого там фига: и фуга, и музыка Грига,
И шёпот Толстого - всё нами забыто, как
хлам.

Я счастлив тем, что есть,
А есть совсем не мало.
Воспитывая мужество в себе,
Откроешь радость там, где всем провалы
Лишь мнутся. Но наша жизнь - как жель:
Под молотом согнётся и под пилой нещадно
завизжит...

А мне охота жить
В Швейцарии, в Веве;
На прозу повседневности набросив
покрывало,
Мечтать о покорениях вершин,
Не думать, как относятся к тебе,
Из Альп смотреть, как чествуют нахалов...

Но кто-то за стеной уже брюзжит.
И что-то происходит понаслышке.
И вместо гор я вижу дуло с вышки,
И вместо Альп - равнинный гайморит.

И если слово крепкое нечаянно коснётся,
Нам мнится деликатно отступить...
Когда же совесть запоздалая проснётся?
Когда же воду станем чистой пить?

Я не хочу пилить, сгибать, ругаться,
Но что же - в мире, милостивы братцы?
Зачем не торжествует красота?

Уход. Конец.
Но песня будет светлой.
Светлее даже песни о рождение.

Судьбы - венец,
Творенья - предрассветны:
Душа таится в облике мгновенья.

ЕЛЕНА ПЕТРОВА

выпускница
филологического
факультета

ОСЕНЬ НА СТОЛЕ

Врезаясь в тишину пустой квартиры
Шемящим сердце отзвуком тоски,
Изящно, дерзко, смело и картинно,
С тюльпанов опадали лепестки.

И, наготы стыдясь, цветы с вопросом
Смотрели на спешащие часы:
За что на них свалилась эта осень,
Когда повсюду запахи весны?

ВДОЛЬ ЛИНИИ ГУБ

Гуляю вдоль линии губ любимого:
То ли проклясть их, то ли - расцеловать...
Жажда невыносимая... Жажда не-по-вто-ри-
мо-го...

Трещинки в них считать.

Метры свернув и вывернув
День позапрошлым днём,
В каждой засечке высмотрю
Имя - своё!!

ПРИШЕЛ И ГОВОРИЛ

Пришел.
И говорил.

О том, что мы - глупы.
Но святы.
За рюмкой рюмку пил.
Потом... заплакал.
И снова, снова говорил.
Что мы пусты
И время нас не полнит.

Лишь свет струился из его в мои ладони...

В БОЛЬНИЦЕ

Дорогой Вике, которая победит.

В больнице воздух слишком сжат.
И с ним зажаты люди...
В свою болезнь, кровать. Лежат
И думают, что будет...

Здесь каждый день с самим собой,
Ровнее, тише, глуше...
Палата сходится стеной
И душит, душит, душит...

Да мыслей тьма, темней-темна,
Но думать - слишком больно...
Сожму ладонь твою в кулак
И прошепчу: "Довооольно".

Ты победишь, ведь ты сама -
Победа!! Значит, будет
Весенний дождь сводить с ума,
А дом родной разбудит -

И все пройдет, как жуткий сон.
Больничный запах - тоже...
С тобою Бог, а значит Он
Во всем тебе поможет...

СИМПТОМАТИКА ЛЮБВИ

Где-то в тощих коридорах
моего сердца
застрял ты...

Словно мат на заборе:
читаешься,
не произносишься.

Как в неволе сверчок:
днем и ночью поешь,
не давая отвлечься.

Объяви же меня
сумасшедшей!
но только - любимой.

РАЗЪЕДИНЕНИЕ

Разъединение. Вмерзание. Сутулость.
Разъединение двоих. Сутулость плеч.
Двоих разъединенное вмерзание
В сутулое значение редких встреч...
Разорванность. Глушение. И ломка.
Разорванность двоих в поломке дня.
Глушение мыслей, взломанных осколком
Пустого выживания без тебя...

НАТАЛИЯ АБРАМОВА

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ПРЕСС-ЦЕНТРА
"НовГУ-информ"**

Ком в горле, рваная мечта.
Здесь нет признаний, нет и боли.
Лишь сумрачная суета,
Покорность Небесам, их воле.

Любовь укрылась между строк,
Страсть растворилась в многоточии.
Предел разумности - наш рок.
Путь сильных духом в средоточии.

А за окном шумит листва,
И осень расцветила небо.
Живем как должно, как всегда...
Лишь иногда, лишь иногда,
Взрывая изнутри себя.

2010, октябрь

МАРИЯ АНДРИАНОВА

**аспирантка Санкт-
Петербургского
государственного
университета**

НА СМЕРТЬ ВАЗИР-МУХТАРА

Какой-то холод, пустота внутри...
Разорван круг, разорваны объятья.
И вновь дорога, пыль и стук копыт,
И Персия на сердце, как проклятье.
Тоска и горе. Горе от ума.
И ни остаться, ни остановиться,
А звезды, странные, как нравственный закон,
Глядят вослед сквозь листья и ресницы.

ПАМЯТИ ВЧЕРАШНЕГО ДНЯ

Медленно время со стрелок по капле стекает.
День суеты за окном темноты затихает.
Ветер гудит в водосточной трубе, не смолкая,
И начинается дождь.
Пламя свечи на ветру трепетать перестало.
Что-то вздыхает в углу тихо, дико, устало.
Ночь не уйдет просто так, не отдаст своего
покрывала,
Ведь за окном идет дождь.

СВЕТЛАНА ПОПОВА

**выпускница
философского
факультета**

Ты меня проглядел, я тебя не узнала.
Мир - огромный вокзал: бесконечная спешка,
Кассы, рельсы, пути, ожидания залы.
Если хочешь успеть, не зевай и не мешкай.

Мне тебя отыскать не удастся, наверное.
В яркой, пестрой толпе неразборчивы лица...
Это ты! Но уже низким голосом, скверным,
"Провожаящим выйти!" - орет проводница.

Здесь не ждут никого, поезда убывают
Точно по расписанию - железные суки.
Мы находим друг друга и снова теряем
В переходах тоски, на перронах разлуки.

Я на юг уезжаю, ты - снова на север.
Полустанки любви, семафоры надежды.

Километрами нашу печаль не измерить.
Может быть, навсегда...может, встретимся
здесь же...

август 2009

Невыносима легкость бытия,
Но тяжесть бытия невыносимей,
Как атомное солнце Хиросимы,
Что светит, равнодушья не тая.
Как субмарина, что ушла на дно,
Как самолет, летящий с грузом 200,
Как жалкий плач покинутой невесты,
Как боль, переходящая в вино.
Как чье-то злое каменное слово,
Как мертвое молчанье между нами,
Как волны неизбежного цунами,
Что все разрушить на пути готовы.
Как ломаная, битая судьба...

Так, может, в том и состоит вся драма:
Когда душа, не вся даже грамма,
Всю тяжесть бытия берет в себя?

Мир никому не должен ни ...!
Он - слиток самой грубой, жесткой стали.
Мне б легкой стать, как девочка на шаре!
Но под тем шаром все равно земля!

май 2010

Побудь еще реальным хотя б одну минуту,
Пока не удалились из памяти все файлы.
Друг друга постираем и не было как будто
Нас, без вести пропавших на бестолковых
сайтах.

Ты мне пиши на мыло, и я тебе отвечу!
Мой адрес незатейлив: любoff @ точка.
Но если время раны хотя бы как-то лечит,
То интернет не лечит безумных одиночек.

Но нам бы виртуальной чуть-чуть любви и
дружбы.
Шли сообщения в личку - я жду тебя в он-
лайне.
Ведь мне об очень многом тебе поведать
нужно!
Я обнажаю душу - ты посылаешь смайлы.

октябрь 2010

Весна! Мой разум чистый лист -
На грани просветления.
Мне б яркий образ, свежий смысл -
Я новая, весенняя.

Ростки зеленые - слова,
Рождают в сердце первый стих.
Всю боль в себе спалив дотла,
Душа дивится легкости.

В ладони зачерпнуть тепло,
Припасть губами сладостно,
Больное напоив нутро
Наивной, светлой радостью.

А ты ищи в земле другой
Своим снегам спасение,
Или оттай, чтоб стать водой.
Большой, живой, весенней.

март 2010

В летаргический сон черно-белой зимы
Мы с тобой уплываем неспешно.
На холодных полях чьей-то глупой войны
Похоронены наши надежды.

В неоткрытых дверях непришедших гостей
Не застать - чистый снег на пороге.
Мы привыкли хороших не ждать новостей,
Выбирая дурные дороги.

Только мрак и метель встретят с разных
сторон,

На ладонь ляжет черная метка.
У судьбы остается в запасе патрон,
Чтобы выстрелить точно и метко.

Так зажжем же свечу, пусть огонь не спасет
От жестокой зимы, мы же знаем:
Если в сердце луч истинной веры живет -
Значит, лето Господне настанет.

декабрь 2009

SPAM

Воздуха много, но почему-то не дышится -
Он ложью пропитан, пыльный и спертый.
Музыка из каждого окна слышится,
Но какая-то она ненастоящая, мертвая.

С голубых экранов вещают лощеные геи,
Заставляя двигаться в своем извращенном
ритме.
В подворотнях неизвестными гибнут гении,
Не найдя для себя в обезумевшем мире
рифмы.

И тошнит от этой гламурности и попсовости,
От этой пошлой сериальной реальности,
От какой-то всеобщей щенячьей покорности
Перед плоскостью жизни, невертикальностью.

Нет, этот розовый шарик лопнет когда-нибудь
сам:

Все прозреют - внутри абсолютный вакуум!
А пока никто не вырвался из толстых булок
Макдоналдса,
И мы жрем эту жизнь, словно смачный и
жирный гамбургер.

...Но иногда еще размышляем о судьбе века
бесславного,
Будто в мир посылаем мысленно
телеграммы.
В них вопросы о самом вечном, о самом
главном.
Но в ответ ничего не приходит, кроме спама.

март 2010

СЕРГЕЙ АРСЕНТЬЕВ

**СТУДЕНТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

ДЕТСКИЕ СНЫ

- Здравствуйте, дети!
Расскажите, что вам по ночам снится?

- Мы засыпаем на рассвете,
А до рассвета нам не спится!
Сразу после заката
Мы убегаем по звёздной лестнице
Из наших кроваток
До месяца.
Ночь его повесила
На гвоздики комет.
На месяце весело -
Там взрослых нет!
Можно во всю силу
Кричать и покрикивать!
Можно купаться без мыла!
Можно расчёску выкинуть!

А для пушей радости,
Чтобы и за столом было веселей,
Можно есть одни сладости
И, что всего вкусней,
Бутерброды без хлеба
И котлеты без макарон!
А ещё с месяца можно глядеться в небо
И считать ворон!
Только передайте папе и маме,
Что о гостях не может быть и речи!
А если хотите, оставайтесь с нами!

- Я на время зашёл! До скорой встречи!

02:54, 29 июня 2010

ОБЩАЯ НОЧЬ

Скоро час ночи,
в голове - звёзды,
даль темна, траве не уснуть
и уже поздно
собирать клочья
разговора о чем-нибудь.
Признаю: странно,
что и ты сроду
не видала радуги рос.
В шесть утра в воду
весь туман канул,
в глубину нежность унес.

15:49, 18 июля 2010

АВТОБУС

I

Дрожащие занавески автобуса
и лица,
мявшие подушку час или два назад,
ничего для нас не значат.
У каждого своя остановка.

II

Мы никогда не знаем,
кто находится с нами рядом.
Не правда ли,
самое страшное наказание
за всё несовершенное -
это
не познакомиться с лицами,
о которых не забыть?

III

Автобус лишён водителя.
Так ли он необходим?
Вероятно, нет.
Иначе
не найти оправдания остающимся внутри.
Думаю, вы согласны со мной.

08:00, 20 июля 2010 - 13:40, 24 июля 2010

ЛЮДИ

Бездонные люди -
Бездомные люди,
Чужие для всех остальных...
Подобно Иуде
О Боге забудем -
Давайте не помнить о них!
Но если в колодце
Толпы не найдётся
Копейки любви про запас,
От жизни сиротской
Тоской не зайдётся
Душа. И забудут о нас.
Давайте рассудим
И больше не будем
Терзаться печалью чужой...
Бездумные люди,
Бездушные люди,
Родные, подайте, я свой!

15:55, 4 августа 2010

СТАРИННОМУ ДРУГУ

Мы стали жестокими - что с того?
Крыльев таким не надо.
Шагаем, беспечные, по кривой,
Встречая огни листопада.
А если задуматься, жизнь пуста,
И двигались мы по кругу.

Желаю тебе дожить до ста
И там, где не будет вьюги.
А я - что бы ни было - всё приму
Покорно, и мне отныне
Останется чувствовать, как в дыму
Август усталый сгинет.
Листва сгорела. В глазах темно.
Шёлковый ветер в ветках.
Нам приходилось идти войной
На правду. Шли - нередко.
Много воды утекло с тех пор,
Когда мы бывали вместе,
Никто с нашей совести не стёр
Следов без налёта чести,
Никто не запер нас под замок,
Нарушивших законы.
Снежинки растаяли, я промок,
Стоя под серым клёном.
Ты потерялся в потоке лиц,
Но больше - в своей тревоге...
А в юности мы хоронили птиц,
Найденных у дороги.

21:21, 8 августа - 11:21, 6 сентября 2010

АННА КУКУШКИНА

**СТУДЕНТКА ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

Мне говорили, что научный гений
Однажды будет строить корабли,
Позволив молодому поколению
Покинуть территорию земли;

Что, утверждая ценности прогресса,
Не тратя время на прощальный фарс,
Однажды тяжесть собственного веса
Мы превзойдём и полетим на Марс.

И человек поднимется над миром,
Как укротитель звёздных паутин.
И зазвучит космическая лира,
Желая нам счастливого пути.

И будет всё на Марсе так, как надо -
Технологично и предрешено.
И никакой сирени за оградой,
И ветра, постучавшего в окно.

Бесконечная улица длится и длится, и длится...
Фонари затихают. Уже растворилась луна.
Мимолетным пунктиром мелькают,
сливаются лица.
Бесконечная улица. Как продолжение сна.

И знакомый проулок в тумане покажется
странным
Перекрестком созвездий, тропой забытых
жрецов.
По утру сам становишься этим туманом,
Как на мостик, ступив на пустое, слепое
крыльцо.

Магеллана потомок, без карты и компасных
стрелок
Ты шагаешь, смелей открывателей
материков.
Словно нет светофора, границы, предела...
Словно всё впереди, далеко-далеко. Далеко.

Мир волнует, трепещет, тревожит, и требует
сути,
И зовёт насладиться впервые своей новизной.

Все маршруты твои. Повороты, дороги,
распутья?
Путешествия дар...если вдруг потерял
проездной.

Утро. Холодное, мокрое утро.
Дворника жалко и пса у забора.
Сизый туман, и все кажется, будто
Город устал. Этот маленький город.

Ты извини меня, тишь дворовая,
Видно, кукушке гнездо не по нраву.
Так уж выходит - опять улетаю,
- Шеф, до вокзала. В карман и направо.

Тронется поезд, легко и привычно,
Словно паром от стального причала.
Осень - как старая добрая притча
Все оборвет, начиная сначала.

Катится поезд. Кварталы редуют.
Мимо - и небо, и очередь станций.
Я уезжаю. Я снова надеюсь,
Что мне уже не придется прощаться.

Знаешь, меня не пробить, я по-прежнему
верю в жизнь,
В кофе, в хорошую музыку, дождь и людей
хороших,
Утром, глаза открыв, кидаюсь на новые
рубежи,
А иногда тихо плачу от радости и до дрожи.

Всё, всё случится с нами, весь спектр усталых
чувств.
Радость, сомнения, страхи, влюбленности, и
потери.
И, каждый раз улыбаясь в ответ солнечному
лучу
Я выбираю жизнь, и я в это всей сутью своей
верю.

Верю и в тех, кто, сбиваясь с дороги, терял
рассвет,
В то, что душа льется в каждой клетке моих
артерий.
Вновь собирая осколки ушедших зим и
забытых лет,
Я продолжаю жить, и я продолжаю верить.

МАРИНА АЛЕКСЕЕВА

**ВЫПУСКНИЦА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

Я - мембрана -
меж белым и чёрным,
между будущим -
и прощённым,
между памятью -
do you remember? -
и забытым -
долгим рефреном.
Я - мембраной -
истёртой на гранях -
обесцвечена
до негатива -
полувыцветших фотографий -
я - фотограф
забытых мотивов.

Нам встреча с тобой
обещана -
последняя на земле -
звёздами,
снами вещими,
линией на руке.
Нам встреча с тобой
назначена -
навстречу с двух полюсов -
ведомыми и незрячими -
на голос -
среди голосов...
Нам встреча с тобой
обещана -
последняя в эту жизнь.
Если пройду незамеченной -
узнай -
оберни -
удержи!

Наверное, в жизни следующей
стану твоим дежавю
и снами твоими вещими -
если сама доживу.

Наверное, в жизни следующей,
следующей по пятам,
ты будешь более сведущим,
помня меня и там...

Наверное, в жизни следующей
будет еще один шанс...
Только ведь хочется нежности

не в следующей - а сейчас.

Я смерть свою отсрочу
Своею смелой строчкой -

Сама себе назначу
На тот, что будет жарче.

Я линии ладони
Исправлю незаконно -

Я тороплюсь...я медлю -
Я помню точность лезвий.

Я хочу быть непричастной
ко всему, что создал Ты -
к этой жизни -
к этой частой
смене смерти и мечты.
Я хочу быть непричастной -
быть помимо, сверх и вне -
вне проклятий
и причастий,

сверх забвенья -
в яви, в сне...
Я хочу быть непричастной
ко всему,
чем дышит жизнь -
быть ни сущностью,
ни частью
знаний, истины и лжи.

Мне страшно, страшно, страшно...
Я закрываю двери.
Мне важно, важно, важно
во что-нибудь поверить -
хоть в призрак, хоть в преданье,
хоть в при- и про-виденье -
и шёпот иль рыданье
услышать там - за дверью.

Руки слабеют -
руки не поднять.
Губы немеют -
им некого звать.
Губы стареют -
не целовать.
Руки слабеют -
им не сдержать.

Некого, некого, некого
ждать.

Память точнее
всех точных границ.

Память прочнее,
чем черный гранит.

Память чернее
утопленниц лиц.

Мертвых зачем так
свято хранит? -

некого, некого
похоронить.

Я лежала примятой травой
у ног,

обутых в сапоги.

И дрожащим упругим стеблем
обнимала робко следы.

Я полынной росой омывала
уставшие ноги бойца -

всей землею, корнями впитала
жизнь по капле

и пот лица.

3 марта 2010 г.

МАЛЬЧИШКАМ

Если завтра случится война,
Все мальчишки вчерашние наши -
Наши маленькие сыновья -
Станут вмиг взрослых и отважней.
Если завтра случится война...

Если завтра померкнет свет,
И не встанет солнце с востока,
Если небо изменит цвет
На багряный и черноокий,
И пригнётся густая трава,
Если дети проснутся в плаче, -
Значит, завтра случилась война,
И мальчишки - воины, значит...

Если завтра случится война,
Сыновей, верных дедов отваге,
Станет больше. И встанет страна.
И поднимет тяжёлые флаги.

Если завтра случится война...

ДАРЬЯ ПЕРЕВАЙ

**СТУДЕНКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

МАЯТНИК

Я маятник - маятник - маятник - мая,
Я маюсь от скуки, минуты ломая:
Ломай пополам, на две части, на счастье,
Прощайся - качайся - и вновь возвращайся
На первую точку, на красную строчку,
Я - маятник, к цифрам привязанный прочно:
Направо - налево, направо - налево,
От страсти до грусти, от страха до гнева.
Лечу на качелях, растёт амплитуда,
Направо - налево, растрата - остуда,
Но где-то за тиканьем-таканьем-щемью
Есть точка отрыва.
И невозвращения.

ЧЕРЕЗ ДЕВЯТЬ ЛЕТ

1

Короталась под лампой - ночь,
Прикасалась легко - как нож.
Как-то вышло оно - само:
Написала тебе - письмо.

А письмо непростое - нет,
А письму тому много - лет,
Много талых, усталых - льдов,
Много битых, испытых - лбов,
Нелюбимых, напрасных - рук...
Пустота, чернота - вокруг,
Строчка каждая - как звезда:
Не отдам тебя - не отдам!..

Я не помнила про - тебя,
Ночи комкала без - тепла...
Всё, прошло, всё остыло - лишь
За грудиною ты - болишь.

2

Бывает так: ты полон до краёв,
И в полусне, и на автопилоте,
Заглядываешь в прошлое своё -
Как будто наклоняешься в колодец.

А в этой бездыханной глубине,
Где знак вопроса восклицанью равен,

Шаги твои затихли не вполне,
И кажется - так просто всё исправить.

Так просто крикнуть: я тебя люблю! -
И вот уже не холодно, не больно...
Но голос перехвачен на лету,
И тишина взрывается, как бомба.

И ночь. И улыбается трюмо,
Как нищенка, растерянно и криво...
И пишется сто первое письмо
В небытие - из глупого порыва.

ПТИЦЫ ОСЕННИЕ

Убитые лошади, порванные стремяна,
И рваные раны, и путь поездов под откосы, -
Я всё позабыл. Только вьюга мела и мела,
А дни заплетались в года, словно девичьи
косы.

Я всё позабыл: милосердных сестричек шаги,
Солдатские песни, костры, перегоны, вагоны...
Всё кончено, милая. Мы примыкаем штыки,
И ржавчина ест на плечах золотые погоны.

В холодных степях нам осенние птицы поют,
Гнездится в холодной груди вековая истома...
Всё кончено, радость моя. Мы уходим на юг -
Как птицы осенние, дальше и дальше от
дома...

Как страшно в России, в двадцатом году,
Остаться одной и идти переулком -
Чтоб ночь ошалевшая билась об угол
Погасшего дома в заглохшем саду.
Чтоб не было в окнах ни света, ни пенья,
Чтоб шли вдоль стены отпечатки сапог,
Чтоб с неба ронял заблудившийся Бог
Расстрелянных ангелов рваные перья.
Пустые крюки на фонарных столбах,
И жалко, что некому больше молиться...

Домов одичавших безглазые лица.
Пророков глаза у бродячих собак.

КОГДА НАС УЖЕ НЕ БУДЕТ

...листья лишние, листья рыжие
Полетят, понесут над крышами
Наши тихие голоса.
Наша память и наше прошлое -
Нелюбимое, нехорошее -
В небе тонкая полоса.

В небесах ветряные мельницы,
В небесах молодые месяцы,
Отошедшие корабли...
И нигде мы уже не значимся,
Никому мы уже не плачемся:
Были, может быть - да прошли.

Были - кажется, были - вроде бы,
Были мы - да ушли на родину:
В небе стаптывать сапоги.
Листья рыжие, листья лишние
Над чужими летят и ближними,
А от нас - на воде круги...

РАДИСТ

Я больше песен не пою
И даже ни о чём не плачу,
Дурную голову свою
Склонив на руки, как на плаху.

Темно и холодно в груди,
Плотнее обступают льдины
Корабль. - Но маленький радист
За левой стороной грудины,

Чудак, не хочет умирать,
Стучит "спасите наши души"...
Я год держалась, как могла,
И на ночь затыкала уши,

И прятала себя во лжи,
И принимала поражение...

Но он сильней. Он хочет жить.
На плахе голову сложив,
Я сплю до дня Преображенья.

НАТАЛИЯ МАРКИНА

ВЫПУСКНИЦА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА

НОВЫЙ ГОД В БОЛЬНИЦЕ

Маме

В больничных окнах рано темнеет.
Ты сидишь в отражение окна.
В ожиданье... Ты смотришь на двери,
Край халата в руках теребя.

Дом напротив. Нарядны и яркие
В окнах ёлки. Этаж номер пять.
Скоро полночь: петарды, подарки -
Будут люди год новый встречать.

Полумрак. В тишине коридора
Бежит стрелка настенных часов.
Задержался в оконном проеме
Чей-то выдох последний... иль вдох?

Без пяти. Наливают бокалы.
Тосты, свечи, улыбки, слова.
Тихо шепчешь: "Хочу, чтобы мама
Много лет еще долгих жила".

Бьют куранты. Грохочут салюты.
Глухо, тихо в больнице ночной.
Скрип двери. Синий свет. Вышел доктор.
Он - уставший? серьезный? иль злой?

"Доктор! Доктор! Прошу, не тяните,-
Подскочила, как мяч, сорвалась, -
Вы скажите, мне прямо скажите,
Не сдалась, ведь она не сдалась?"

Посмотрел. Улыбнулся лукаво:
"Не сдалась. И тебе ли не знать,
Как сильна твоя мама, упряма?
А сейчас давай выпьем - и спать".

Отлегло. Нараспашку окошко.
В вихре праздничном кружится снег.
Опустилась снежинка в ладошку.
Слёз надежды оставила след.

ДАРЬЯ ЧЕРНАЯ

**СТУДЕНКА ФАКУЛЬТЕТА
ЛИНГВИСТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

ВТОРОЙ КОВРИН

Мне приснился запах снега...
Я так желал его достать, хотя б немного...
Я так хотел остыть после побега...
Но покинули силы надолго...

Мне привиделся черный монах,
Ведь я его так ждал,
Огонь души опять в слезах,
Как же я устал...

Он мне поведал о цели жизни вечной,
Я был во власти миража,
Казалось, эта пытка будет бесконечной...
Но я ушел как гений, навсегда...

Переписан поэмы сюжет,
Переписаны жизни страницы
Зазвучал Шекспира сонет
И заплакал дождь на ресницах...

НЕТ МЕНЯ

Без меня ты встречаешь рассветы,
Без меня зажигаешь огни...
Смотришь вдаль и ищешь ответы,
А находишь лишь слезы одни...

И не важно, что я теперь ветер,
И не стоит мечтать обо мне...
Буду падать звездой на рассвете,
Буду вечность дарить не тебе...

ТОЛПЕ

Эстетика смерти - не повод говорить о моей
Умалишенности,
В моей пустыне нет места понятию "мода",
Зато есть "отрешенности"
В свои далекие пять лет я боялась, что
Рано или поздно умру,
А теперь я во власть тьмы осознанно и честно
Ухожу,

Рабы модных привычек, к вашей репутации
Направлены мои параллели,
Нет смысла оскорблять красоту наших
закатов
Мы вас не слышим, мы -
давно

Улетели
Я в шкуре Чацкого, я противопоставила себя
Большинству
Да, я сняла краткосрочную маску как по
Волшебству
Слабые нервы, бред больного ума -
Да, это все Я
Ну, а вы не держите на меня зла за мой язык,
"Дорогие друзья".

ЕВГЕНИЙ ПРЯНИЧНИКОВ

**АСПИРАНТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

Господь, позволь раскрыться мне.
Я камнем был, но стёрт твоим укором.
Мечом упрямым правил на войне,
Но лишь коснулся ты - и я расколот.
Я был вином и золотом. Пьянил,
Успехом лёгким разгоняя рок...
Во всех обличьях ты меня ловил
И побеждал. Теперь я лишь цветок.

ГАЛИНА КОРШУНОВА

СТУДЕНКА ЛЕЧЕБНОГО
ФАКУЛЬТЕТА

Бесполезно шепчу: "Я сильнее. Немного бы
выждать"
И вдыхаю зарю, словно ладана тлеющий дым.
Заклинаю, молю и крещусь на прощание
трижды, -
Жизнь развеяна горечью пепла и ветром
седым.
Я не жду ни прощенья, ни кары. Живу, как
умею.
Я сжигала мосты и слова позабытых стихов,
И, наверное, Господи, я ни о чём не жалею,
Просто мучат кошмары бессмысленных
тающих снов.
Просто слёзы порой обжигают чуть тёплые
щёки.
Знаю, в жизни у каждого свой неизмеренный
срок.

Перечту равнодушно ненужные письма и строки.
Может, пешка не та, может, я неумелый игрок.
Время раны залечит. Всё станет намного яснее.
Всё проходит когда-то. Я сделала правильный ход.
Жаль, что угли костра в моём сердце пока ещё тлеют, -
Окропленное пламя под утро навечно уснёт.

13 июля 2009

ЯНА ВАЛЕРЬЕВА- ЛЕБЕДЕВА

**СТУДЕНКА
ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА**

ИСТОРИЯ

он подарил мне на расставание дождь в
берестяной шкатулке.
он мне сказал: рассыпай содержимое, если
безумно захочешь дождя.
каждый день прошлым летом у меня был
дождливый зуд и тянулись руки,
я справлялась - шаталась по переулкам до
наступления нового дня.

если бы у меня были способности его-
подобные,
я подарила б ему экстракт из своих чувств из
своего прошлого.
он добавлял бы его в утренний кофе и сдобу
напополам с розмарином по чайной ложке...

видишь, как боль рассылает по всем
сторонам сигналы?
слышишь, как бьются во мне бабочки новой
моей любви?
знаешь, мой нежный мистик, время не лечит -
сменяет.
мне бы теперь не дождя, а пятки погреть в
долине.

я положила шкатулку в ларец, ларец в
чемодан, чемодан закопала под дубом.
в этом месяце я - синоптик. будет жара, я
думаю.

в этом месяце нечем дышать, и больно
 ходить, положение - горизонталь-
 ное в ковчег не вместил бы пару таких тварей
 - зачем он так
 он подарил мне дождь. как же я - без зонта...

ВОСПРИЯТИЕ

представь себе: я ничего не знаю
о черных кошках, о дождях, о снах.
о стужах, лужах, северном сиянии,
о запахе костра и ветре в волосах.

представь себе: моё сознание чисто
как первый снег, и ни следа на нем.
и я не знаю, как поет монисто,
как на бедре переливается огнём.

смотри: я не умею врать и верить,
смеяться, петь, грустить и целовать.
и открывать одним ключом все двери,
за каждой из которых: стол, стена, кровать.
я удивляюсь цвету, запаху и звуку,
умению дышать и этим жить.
представь себе: сжимаю твою руку
и неокрепшим голосом прошу тебя: скажи.

ты знаешь, что мне рассказать?

АНГЕЛУ

как бы ты не скрывал свою сопричастность к
ангелам - я не могу не знать.
я никому не скажу - я могила, милый,
как же тебе нелегко со своими крыльями,
в каждой примерочной тратишь по полчаса.

ты улыбаешься с болью, ты так светло
плачешь,
у тебя нет зонта, и весенней обуви, и идей,
как залечить насморк, как вообще жить
дальше,
если ты не нашел верного среди людей.

я помогу тебе чем смогу, конечно. только -
прости, прости -
сегодня был такой сильный ветер,
мне было так трудно идти на встречу,
просто смотреть в глаза тебе - надо столько
сил...

понимаешь, проблема есть. я-то знаю, что ты
мне нужен,
знаю, что ты мой свет.
а я - нужна ли тебе такая,
такие, как ты, таких, как я, презируют -
девочек без конца и края,
дезертиров со шрамами на спине.

ИЗ ЖИЗНИ ПТИЦ

вчера я открыла окно - и влетела живая
птица,
не жар и не синяя, просто живая с крыльями.
просто она лучше всех знала, что мне не
спится,
и заглянула на чашку ночного кофе, когда я
окно открыла.

если у вас такая же ситуация приключится,
помните: лучшее угощение - крекеры-рыбки и
козинаки.
только держите язык за зубами (такие уж
они, птицы)
зато погадают на гуще вам и растолкуют
знаки

и символы ваших снов, если вы не болели
бессонницей и депрессией прошлый месяц.
а если болели - ее трели
будут нектаром для ваших ушей и сердца.

она улетела как я дописала страницу.
видишь, родной человек, до чего доводишь?
ночами я кофеи распиваю с птицами.
а ты все никак не приходишь
и не приходишь
не приходишь.

К...

я приеду к тебе загорелая и чужая
в самом легком платье - из крыльев ангела
своего хранителя - ведь, уезжая,
я сняла с плеча его и одного оставила -

горевать - столько сил и трудов вложено
в это тело, крещенное от ссадин.
вот теперь посмотри на меня - сможешь ли
пересчитать и расцеловать все за день?

я приеду к тебе затемно - приготовь аптечку
и пару смешных историй в качестве
анестетика.
разберешь саквояж и увидишь, что мне -
нечем
поделиться с тобой, кроме нежности. и под
этим-то

небом питерским - как не срубить с плеча, не
наломать дров?
я выезжаю вечером.
ты готов?

ПУСТОТА

так говорит со мной пустота -
перешептыванием.

она выключает дождь на улице
свет в моей комнате
и еще что-то там
внутри у меня - и я уже -
полая часть гитары
полная ничего тара
дополнение к интерьеру
к шкафу-
дивану
таким манером
я ведь совсем перестану
если она будет так часто заходить в гости.

господи не говори обо мне
за игрой в кости

ВИКТОРИЯ ВОЛКОВА

**СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ
КАФЕДРЫ ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ**

Я НЕ СКАЗАЛА "УХОЖУ"...

В глаза твои я посмотрю,
Но не увижу в них страдания.
Я не сказала: "ухожу" -
Я прошептала: "до свиданья!"
Я в городах чужих была,
В далёких странах побывала,
И было лето - как зима,
Твоё лишь имя согревало.
Его шептала как в бреду,
Бродя по шумному вокзалу.
Прижавшись в поезде к стеклу,
Перрон я взглядом провожала.
Мелькали города и страны -
Но не нашла я там покой
Всё так же кровоточат раны,
Всё так же милый не со мной...

Игорь ИСАЕВЪ

поэт (г. Псков)

Вчера наскучил нам с тобой
Весь мир в известной плоскости -
Своей заманчивой судьбой,
Невероятной легкостью.

Привыкли к строчкам облаков
И привыкаем к выстрелам.
Все так бессмысленно легко,
Как храм на даче выстроить.

И кто я, в общем-то, такой,
Что в этом мире делаю?
Творю разбитую губой
Молитву неумелую.

И сколько спилось нас таких, -
Не знавших, не умеющих...
Пилось обычно на троих,
Хоть и закуски те еще.

Капусты таюшая горсть
И огурцы помятые...
А жизнь все время метит в кость
И в негодяи сватает.

Но как бы ни было легко
Упасть на этой лестнице,
Пусть и трясущейся рукой,
Нет-нет, и перекрестимся...

Маленькие, желтые, осенние
Листья налетят со всех сторон.
Слишком мало выпало рождений,
Слишком много стало похорон.

Сколько перепито, перепето
И других не водится идей.
Шел Господь гулять по белу свету,
Собирать к Себе святых людей.

Их у нас теперь совсем не много:
Не дожили, Господи, прости.
Тяжела тернистая дорога;
Тяжело на крестном-то пути.

Запахи асфальта и бензина
Святость извели наперечет.
Поутру идет до магазина
Сельский, неказистый мужичок...

Ты в дырявой сорочке родился
И в ней же, наверно, умрешь,
Залатав все прорехи,
Но ветхости так и не спрятав.
— Самым крепким из всех вариантов подошв
Оказались мозоли
Твоих перетруженных пяток.

Слишком слаб человек
И охоч до любви и забав,
Да и счастье сначала
Почти не прерывно.
Но внезапно решает однажды старуха-судьба:
Ты и так слишком часто сухим
Выходил из-под ливня.

Несудимыми будем,
Когда перестанем судить;
В молоке не утонем,
Подсев на горбушку и воду.
Повезло ли всем тем,
Кто идет впереди
И привычно не ценит
Свою и чужую свободу?!

Столь краток нам отпущенный лимит
Любви и счастья, что не помнить лучше.
И целиком приемлет этот мир
Лишь тот, кто слеп душой иль вовсе
равнодушен.

Как на грозу летят к земле стрижи,
Как тонет сахар в хороводе чая,
Я научился вполне жила жить
И сердце экономить приучаю.

На свете не бывает тишины
И всем понятных, абсолютных истин.
Спокойствия и мудрости полны
Лишь те, кто мертв, иль вовсе не родился.

Пурге любви лишь стоит закружить!
Предчувствуя безумства и потери,
Я научился вполне жила жить...
Учусь-учусь и сам себе не верю.

Свинцовая усталость в каждом дне,
Пешком по тротуарам ходят птицы.
И тяжесть - тяжелей. И все мрачней
Людские неразбуженные лица.

В причёске неба вижу седину.
И ветер не спеша газоны косит.
Я так устал. Прилечь бы, отдохнуть,
Закрыть глаза... Но сна не будет вовсе.

Держись одной, потом второй рукой -
Идут дожди и опадают листья.
Мы ищем постоянство и покой,
И в то же время их найти боимся.

Слезы были напрасно пролиты
И прописаны на стекле.
36 на моем термометре,
36 полновесных лет.

Это время бездарно пройдено,
Половина - навеселе.
Я не пью уже, мама-Родина.
Бесполезно у нас сие.

Предержащим похлеще насморка
Наше право на жизнь и труд.
Из провинции, полупаспортный, -
Даже в грузчики не берут!

За копейкой идешь юродивым,
Здесь придавят, а там убьют...
Я люблю тебя, мама-Родина.
Сам не знаю, за что люблю.

Хотелось жить совсем не так,
Не в этой липкой паутине,
Когда цена тебе - пятак,
И то еще переплатили.

Не все на свете повидал,
Но, как всегда, не в той валюте
Наш самый главный капитал,
Который, как известно, люди.

Устал от поисков пути,
О Господи, хотелось дела!
И поле все же перейти...
Постскриптум: пожил. Надоело...

У реки крутые берега,
Но запас воды почти исчерпан.
Учит Церковь: Отпусти врагам!
Отпускаю. Падают зачем-то.

От обид, измен в крови пожар,
Выпадают все пустые шансы.
Как-то много стали обижать.
Слишком часто стали обижаться.

За добро отдариться добром,
Может быть, еще ключом от рая.
Падает с деревьев серебро,
Но никто его не подбирает.

Иногда забытою виной
Осень вдруг потребует расплаты.
Раз простили все давным-давно,
Значит, скоро буду виноватым.

Сложное становится простым,
А простое всякий ли поднимет?
Я опять прошу тебя: Прости.
Помяни в молитве мое имя.

Гоняться за химерами
Почти уже устал.
Ты пишешь мне, наверное,
По старым адресам.

Того в словах не выразишь,
Чему названия нет.
Не мне приходит выигрыш
И проигрыш - не мне.

В окне застыло видео
Декабрьского дня.
Меня не вспомнят, видимо,
Забудут - не меня.

Что пройдено, то пройдено,
Гадает ветер мне
И грустную мелодию
Выводит в тишине.

ВИКТОР КАРПУШКИН

**СТУДЕНТ МЕХАНИКО-
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
ОТДЕЛЕНИЯ**

ГРУСТЬ

Эта грусть, допустим, больше не отпустит,
Этот груз словно перекрыл реку в устье,
Эта акустика не затихает никак.
Это грусть, допустим, пусть и в стихах!

Это грусть, допустим, ты пар выпустил.
Стимул к жизни снова дал винил.
Бог тебя простил, но радости
Ты от этого так и не постиг.

Допустим, ты на тусе - стой и жуй себе,
Но начинаешь изобретать велосипед,
Не весело так, что охота повеситься,
Или нести околесицу, сидя под лестницей.

В одиночестве без лишних почестей.
Быть с самим собой хотя бы почестней.
Цыплят считают по весне, но падает снег,
И это не грусть, а так - мысли во сне.

Добираясь до вершин, мы судьбы вершим,
Земли аршин да пара дорогих машин,
Ну, ещё короб анаши по тарифам
небольшим.
Скажи, разве за этим мы так спешим?

Меня кто-то сгношил и я увидел другое,
 Можно ходить строем, даже купив "Land
 Rover",
 А свободу не понять, как теорему Коши.
 Видимо, это такое состояние души.

МУЗА

Ты будешь торпедировать идеями мой разум.
Ты будишь мои чувства, все и сразу!
Паришь над полом с призывом тронуться
умом.
Париж прекрасен, но стих сей не о том...

Муза узами узко связала со словом,
Как медуза, со вкусом горжусь я уловом,
Мёртвым грузом надкусанный бисквит из
страстей,
Я как Робинзон Крузо: не угощу им гостей.

То ли дар, то ли боли щедрая доля.
Я не более чем вышедший из-под контроля.
Поле пройденный путь - это и есть воля.
Хотя кем-то сверху и розданы роли.

Коли нет веры в Бога, найдём другого,
Он един, ему не важна дорога,
Ну а муза лишь спутник, попутчик в купе,
Не важно: в стихах или там в карате.

Я слово даю: в роковую минуту
С небес не сорваться, любясь тобой.
Хоть гулко стучит и дымит почему-то
Под левым крылом ошалелый мотор.

Проносимся близко от низких желаний,
Но вновь поднимает нас ветра поток.
Когда же пройдет этот миг окаянный,
Когда я почувствую землю у ног?

Что лучше: лететь облаками сомнений
И нежностью робкою плавно гореть,
Иль падать огнем, уходя вслед за нею,
Стать жертвой друг друга отныне и впредь?

Набрав высоты полной грудью с излишком,
Судьбе доверяю полет и маршрут.
Я знаю, что если случайная вспышка,
То нас не спасет ни один парашют.

Узнал вчера о том, что человек,
Себя нашедший в творческой купели,
Блестящим интеллектом пренебрег.
Пусть внешне, пусть заметно еле-еле.

Ведь он еще свой берег не нашел.
Его, как нож, пронзает вдохновение,
И потому с израненной душой
Он ищет в крайних формах упоение.

Еще узнал, что странным может быть
Его ответ, поправший теоремы,
Но кто возьмется творчество судить,
Кто первым за него назначит цену?

Друзья мои, какой ужасный век!
Как хочется признанья и богатства.
Но в творчестве погрязший человек
Голодное отстаивает братство.

Прежде чем рассвет из красных перьев
На воде оставит свой узор,
Я вернусь, длину дорог измерив,
На знакомый постоялый двор.

Мне ворота скрипом одичалым
Удивятся, сразу не признав.
Вы по мне так искренне скучали.
Что скрывать, и я по вас скучал.

Принеси мне горсть золы, хозяйка.
Я смиренно наклоню главу.
Непонятно как, но стало жалко
То, чем я бросался наяву.

Но теперь с охапкой черных листьев
Пусть горит карьерный переплет.
Я вернулся, чтобы стало чисто
В доме, на душе и у ворот.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

***"А НАША ЖИЗНЬ -
ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ,
КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ
ПЕРЕВЕРНУТЬ".***

Юрий ФАБРИЧНИЙ

**ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ
ЖУРНАЛИСТИКИ**

НОЧНОЕ ФОРТЕПИАНО

Полночным часом,
Сон презрев и вялость,
Над мертвой измываясь тишиной,
Фортепиано
Где-то надо мной
Безумными аккордами
Взорвалось.

О чем ты, музыкант?
О юном блеске глаз,
Тебя дарящих вдруг ответной искрой?
О днях былых,
О молодости быстрой,
О том, что если любишь - не угас?

Скорбя о солнце, капли на ветвях
Фонарный свет, обманываясь, ловят.
Немая ночь.
И сны не прекословят
Аккордам, набегаящим впотьмах.

Играй, играй,
Ни в радости, ни в горе
Не вечны мы. Лишь трубачам любви
В таинственном,
Вселенско-звездном хоре
Дано услышать
Голоса свои.

Все в мире - сомненье и смута.
И что нам страшиться суда?

И ты...
И росиночки чудо
В глазах,
Не избывших стыда.

Конечно, родная, конечно:
Мы только пылинки во мгле,
И наше смущенье потешно
На этой смятенной земле.

Неважно, родная, неважно,
Что скрыто в исконном зерне.
И наше раскаянье зряшно
На этой рискованной земле

Возникшей, кто знает, откуда,
Летающей, кто знает, куда.

И ты...
И росиночки чудо
В пути,
Что без верст? без следа.

ПОДСНЕЖНИК

В этой жизни не хранимая
Ни природой, ни судьбой -
Вся до родинки ранимая,
Вся нездешняя собой.

А в глазах - в глазах оттаинка.
Словно среди снегов и вьюг
На лесном лугу проталинка
И подснежник синий - вдруг.

Все вокруг оледенелое,
Оробелое, а он
В совершенство черно-белое
Синим вызовом вкраплен...

Как и он, ты вся нездешняя.
Разве что в тебе и есть,
Так лишь эта дерзость вешняя,
Остающаяся здесь.

Вспыхнув каплею весеннею,
Будет литься много лет
На деревья, на селения
Этот синий теплый свет.

ВОСТОРГ

*- Ваш, мадам, форшмак.
- Ваше, сэр, суфле.
(В ресторане).*

За спиной рюкзак,
Горизонт в заре.
Хорошо-то как
На земле.

Удила в натяг,
Да привстать в седле.
Хорошо-то как
На земле.

При седых висках,
Да при стынь-золе
Хорошо-то как
На земле.

Сад взрастить в песках,
Свет зажечь во мгле...
Хорошо-то как
На земле.

ЛИСТ

Задули ветры над планетой,
В лесах таинственно шумя.
И желтый лист,
Прощаясь с летом,
Слетел на тракт
И лег плашмя.

Еще сухой
И разогретой
Была асфальта
Полоса.
И желтый лист,
Простившись с летом,
Застыл
Под мощью колеса.

Машины мчались.
Их накатный
Был бег
Порывист и упруг.
И желтый лист,
Как знак плакатный,
Все торопил:
"На юг, на юг..."

Там вас приветит
Юный говор
Листвы,
Не знающей снегов,
Ни лунных снов
Под их покровом,
Ни песен вьюжных,
Что без слов".

ВОСПОМИНАНИЕ

Предрассветное окно,
Словно старое кино -
Черно-белая размытость,
Жизнь, остывшая давно.

Дом, цветник, колодец двор,
Покосившийся забор:
Не проявленная скрытость -
Как мерцанье - до сих пор.

Чьи-то тени, чей-то след.
Может, явь, а может, бред.
Воскрешенная забытость -
Предназначенный рассвет.

КОДА

..И не готовые к прощанью,
Как будто в чем-то не правы,
Нечеловеческой печалью
Глаза полночные полны.

Легли углем, пастельной чернью,
На холст, что груб и не белен,
Глаза, готовые к прощенью
Греха, каким бы ни был он.

ГРИБЫ

Воздух изрежен. В листьях и травах
Послеиюльская грусть.
Глядь, из-под них, уже блеклых и ржавых,
Здравый проклюнется груздь.

Глядь, и веселым, и ярким лисичкам
Тоже пора отойдет...
Всяким природой изжитым излишкам,
Свой для прощанья черед.

РАСПУТЬЕ

Мне бы волю, чтоб по полю,
Мне бы волю, чтобы смог
Я свою означить долю
На скрещении дорог.

Бог с ней, девой, Бог с ней, славой,
Лишь бы я, кружа в пути,
Был готов на гиблый самый
Зов о помощи прийти.

Оказаться впору гожим,
В самый раз к беде поспеть
Там, где ознобью по коже,
Может жизнь, а может смерть.

Встанет гордый, справясь с болью,
Встанет к бою, сбитый с ног...
Где ж та воля, чтоб по полю?
Где ж та воля, чтобы смог?

ОДНОКЛАССНИКАМ

Песчаным берегом к реке
Сбегающий поселок.
На взгорке - школа в цветнике,
В кругу берез веселых.

За ней ватага тополей
В пределах стадионных.
Наш сборный класс сдружил детей,
В канун войны рожденных.

Мы все тянулись, как росток,
К лучам в часы предгрозя.
И этот выплеск и восторг
В себе сквозь годы нес я.

И вы, соклассники мои,
Со мною были рядом.
Помочь старались, как могли
Словами, жестом, взглядом.

Чтоб сколько трудной ни была,
Далась бы мне задача.
Чтоб как дорога ни легла,
Я шел бы, глаз не пряча.

..Мне этот сон накоротке,
Все повторяясь, снится.
Как будто вызван я к доске
И вижу ваши лица.

И вы из тех, из дальних лет,
Из мглы дождя и снега
Искомый шепчете ответ,
Желая мне успеха.

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

**ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА,
ПРОФЕССОР**

Из цикла "Песочные стихи"

Лишь видит Бог, когда наступит это,
Придет черед забыться и заснуть.
Душа невидимой частицей света
В свой бесконечный устремится путь.

А на Земле останутся живые,
За светлый сон души моей молясь,
И сердцу вдруг откроется впервые,
Что неразрывна между нами связь.

Миров пространства преодолевая,
Я буду плыть, бессменный звездочет,
И ждать и верить, что душа родная
Когда-то мой маршрут пересечет.

17 января 2003 г., Новгород.

Сквозь искушение встречной полосы
И неизвестность пролегает путь.
А наша жизнь - песочные часы,
Которые нельзя перевернуть.

Замыслил ты побег или уход,
Как Пушкин или Лев Толстой,
Чем обернется это, наперед
Нельзя исчислить формулой простой.

Но есть один всевидящий закон
И всем и всеми управляет он,
Ниспослан свыше он как благодать
И смысл его - грядущего не знать.

Январь 2000 г.

В душе моей опять покоя нет,
То ветрено, то знойно в ней, то зябко.
Бессонных мыслей целая охапка
И слов невысказанных пустоцвет.

О ком мечтать, кому дарить цветы,
Кого любить? Не знаю я ответа.
И долго ли болеть от этой маеты,
Надеясь, что песня вся не спета?

Июнь 1997 г.

ЛЕТО

Лето голову склонило,
Зябко пряча под крыло.
Лето лебедем проплыло,
Лето в Лету уплыло.

Я остался, ты осталась
Не земле одной Земли.
Что мечталось - отмечталось,
Что искали - не нашли.

1970 г.

Памяти Николая Ивановича Лаврова

*"Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора -
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера..."
Ф.И.Тютчев*

Помню, Коля, осенью погожей
На реке-Шелони мы удили.
Не спеша вдоль берега бродили.
День стоял, на тютчевский похожий.

Вспоминал ты о своих походах
В деревеньки дальние, глухие,
Где еще жива душа народа
И слова, и образы родные.

Память вечно теплится живая...
Странник очарованный, навеки
Ты ушел в поход последний, зная,
Что душа бессмертна в человеке.

22 октября 2005 г., Новгород.

ДЕТСТВО

Памяти отца

В кителе военном старомодном,
Без погон, припомнил я отца
В Ленинграде карточном, холодном -
С той войны пришедшего бойца.

От войны еще шинель в наследство,
Полевая сумка, раны... Но
Вспоминается счастливым детство,
А иным бывает ли оно?..

24 октября 2005 г., Новгород.

В лесу осеннем, опустелом
Неслышно льется синь с небес.
И кажется, что в мире целом
Лишь ты и этот дивный лес.

Но вот, тропой полузабытой
Еловый обогнув затор,
Вдруг окунаешься в залитый
Лучами полевой простор.

И чувство древнее свободы
И не понять и не унять!
И счастлив ты, дитя природы,
И время устремилось вспять...

22 октября 2006 г., Новгород.

На холм поэзии священный
Поэты всходят чередой
И звуки лиры сокровенной
Даруют вечности седой.

Их голос слышен отовсюду,
И чутким сердцем и умом
Мы тайну постигаем чуда,
Витающего над холмом.

5 февраля 2008 г.

МОЙ КАБИНЕТ

Задумался о красном лете -
О речке, луговой траве...
Но жизнь проходит в кабинете,
А лето только в голове.

На полках книг привычный ряд -
Надёжней нет друзей на свете.
Они мне молча говорят,
Что жизнь проходит в кабинете.

Опять засяду за статьи
Иль загляну в словарь толковый.
Пусть без меня журчат ручьи
И луг струится васильковый.

24-25 мая 2008 г.

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

**ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
"Кириллица"**

ЗИМА

В синих сумерках полей
Иниевый, белесый,
На небесном на стекле
Наплывет рисунок леса.

И поднимутся дымы
От земных огней к небесным:
Ранним звездам той зимы
И планетам неизвестным.

Ты ведь зимняя, душа.
Не увидишь звезд над лесом -
То и жизнь не хороша...
Лесом иниевым, белесым.

Не увидишь, как с небес
Льется свет неуловимый.
Все ты кажешься себе
Одинокой, нелюбимой.

Все - от сумерек самих
И до звезд, как ты просила,
Все величие зимы,
Глубина ее и сила,

И небесное стекло,
Что темнеет понемногу,
Все опять к тебе пришло,
Все вернулось, слава Богу!

Так смотри и узнавай!
Он возник - и в этом дело,
Много раньше, чем слова,
Дальний лес заиндевелый.

Потому-то в смене лет
Каждый раз его явление
Для тебя, как первый свет,
И как новое рожденье.

Тот, вначале, краткий миг,
Когда все открыто было...
Все величие зимы,
Глубина ее и сила.

ОКНО

Среди надевших маски
Надежд, любовей, вер
Влечет тебя к развязке
Отлаженный конвейер.

Влечет неумолимо.
И завтра, - врач сказал, -
Ты не проедешь мимо
Дверей вот в этот зал.

У возраста есть сила.
И, к счастью, вышло так,
Что нам ее хватило
На этот трудный шаг.

Природа этой силы,
Как видно, такова,
Что нам не нужно было
Чудить, играть в слова.

Ее дела и свойства
Сродни делам корней:
Ни гордость, ни геройство
Ничто в сравнение с ней.

Она и в несвободе
Дарует нам с тобой
Не власть, но что-то вроде
Власти над судьбой.

А утро городское
Сменило ночь в окне,
Чтоб скрасить нам такое
Начало новых дней.

Там улица и скверик,
Там лето. Благодать!
Земля, чтоб жить и верить,
И небо, чтоб летать.

И годы, словно это
Просторное окно,
Наполненное светом,
Предстали предо мной.

А прежде, чем открыла
Судьба тот самый зал,
Маша приходила
И голубь прилетал.

УТРО

Туман стекал с ветвей, и звук тяжелых
капель
Окрестность оглашал, дробил седую тьму.
Над золотом листвы стоял сентябрь-
старатель
И все не мог поверить счастьем своим.

Кто знает лучше нас: зачем мы, кто мы, что
мы...

Кто может помешать имеющим глаза
Увидеть этот путь и все его изломы
И все его узлы тугие развязать.

Ах, знать бы, что ветра в твой дом не
постучатся,
Что в срок пройдут дожди и в срок падут
снега,
И можно уходить, и можно попрощаться
До некоего, там, в грядущем, четверга.

А стародавний лес, что всех печалей выше,
Укоренялся, рос, теснил к реке жилье,
И жалобы мои он будто бы не слышал,
И на смех поднимал неверие мое.

АВГУСТ НА ТОРГОВОЙ СТОРОНЕ

В наступающий вечер открою окно.
Настоявшийся воздух пьянит, как вино.
Вот и август уже на моей стороне,
Он пришёл по жнивью, по стерне.

Как в прежние годы, я вновь восхищён
Живописным талантом его. Тем, как он
С драгоценной средой, с матерьялом таким
Обращается. Этот ли солнечный дым -

Золотая основа его мастерства?
Синева ли глубокая, воздух, трава...
Или эта старинная кладка камней,
Чтоб они, как в природе, лежали в стене.

Словно людям, которые строили храм,
С высоты открывалось грядущее. Там
Каждый век совершенствовал и пополнял
Арсенал стенобитных орудий. Внимал

Непонятым пророкам. Сердечную дань
Без труда собирал каждый Новый Адам.
Среди шедших сюда по чудному мосту
Были те, кто иную искал красоту.

Узнавались в грядущем и те, кто готов
Сделать белые храмы предметом торгов.
Что еще им увиделось, строившим храм.
Что еще, что пока не открылось и нам.

Есть провидческий дар в этой кладке камней,
В том, что камни лежат, как в природе, в
стене.

..Есть, кто ищет. А есть - кто находит. Вторых
Много меньше. И август, конечно, из них.
Потому-то, наверно, так хочется мне
Путешествовать с ним по моей стороне.

А моя сторона в деревьях, в облаках.
Всем, кто слышит, она говорит о веках.
И надеется, что сокровенную речь
Мы сумеем понять и сберечь.

А еще потому так любима она,
Что отсюда другая видна сторона,
Где над жизнью моей, устремляясь в зенит,
Ясный купол Софии горит.

ВЛАДИМИР БЕРЕЗОВСКИЙ

журналист

ЗАКРОЕМ ДВЕРЬ НА ВЫХОДНЫЕ

*"В этом мире мы приговорены быть
свободными".*

Жан-Поль Сартр, "Дороги свободы"

Я приду,
Буду долго искать слова,
Спрятанные
Эмилевичем
Мандельштамом.
А потом
Не скажу и своих,
В строчки уложенных
Бронзовым штаммом.

Я приду.
Буду долго смотреть в глаза
Спрятанной
Улыбкой
В грусть.
А потом
Про себя помолюсь.
Ну и пусть
Дождь, что в оконных рамах.

Я приду,
Буду долго искать слова,
Недописанные
Эмильевичем
Мандельштамом.
А потом
Не надо своих,
В строчках верстанных
Шумом и Гамом.

Я приду.
Буду долго читать приговор.
Всем подписанный
Жаном
Запоем.
А потом,
Отказавшись от Сартра
И мысли его,
Мы железные двери закроем.

От ходиков больных нет отдыха.
От праздников пустых нет продыху.
От слов стрельнуло в голову.
От плит диванных мутит здорово.
Как было нелегко тому Обломову.

От времени по темени крадется тихий
обморок.

От года нового случается пролог.
От обуви брошенной потребовал дорог.
От дверцы шкафа скошенной и сразу за
порог
Как все-таки не здорово давать себе зарок.

От случая до радости еще бывают гадости.
От влажности - дожди.
От силы и до слабости вдруг выпадают
сладости
От прихоти судьбы.
Все сходятся - не сходятся дорожки на пути.

ГОРЬКИЙ БЕЛЫЙ СВЕТ

И снег бывает сладкой ватой,
Упав у города в степи.
И жизнь не кажется горбатой
Старухой выпившей к пяти.

И снег бывает мягким пледом,
Накрыв простеганный узор.
И день, накушавшись обедом,
Наставит в светопись камор.

И снег бывает красным в белой.
Разлив в стаканы напрямки,
Рукой не смелой белой-белой
Тоски иль радости вкуси.

МАДОННА ЛИТА

...И день крадется белым светом,
Как вор, забравшийся в окно.

И ночь, сползая черным пледом,
Откроет, веруя, лицо.

И все покажется вдруг бредом:
И страх, и совесть, и кольцо.

Мадонна Лита все не даром
Осталось с вечера вино.

И день прокрался белым светом,
Ему не больно и тепло.

**Ирина
НАЗАРОВА**

**ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

Город погрузился в молоко
Плотного текучего тумана,
Это из небесного стакана
Вылилась пригоршня облаков.

В каплях влаги с головы до пят
Город в полудреме не заметил,
что над ним священнодействием этим
совершен крещения обряд.

2007

Умолкли струны звонкой лиры,
У времени сменился вкус -
Где вы, вчерашние кумиры,
Любимцы публики и муз?

С каким восторгом возвышала
Вас над собой толпа людей,
Цветами сцену осыпала,
Пока царили вы на ней.

Пока ваш локон золотистый
Под пеплом лет не потускнел,
Пока в графе о датах жизни
Не обозначился пробел.

2007

Опустилась из тумана
На холодные кусты
Хлопотунья в платье странном
Из оранжевой листвы.

Кожа цвета алебастра,
Пламя синее в глазах,
Фиолетовые астры
В желто-красных волосах.

И давай швырять монеты
На дорогу, на траву...
Много золота и света,
И лазури к Покрову.

Но, однако, очень скоро
Поседеет небосвод
И листвы опавшей ворох
В мерзлый ком зима сметет.

декабрь 2007

Успех! Приятно и не боле,
А вам он голову кружит?!
Но окруженье, поневоле,
К успешным не благоволит.

Не лучше ли прослыть убогим,
Чем под прицелом сглаза жить?
К убогим благосклонны боги,
Какой резон богов дразнить?

2008

Осень-вышивальщица
золотом по серому
с октябрём венчается,
с тем, что ближе к северу.

Платье подвенечное
у нее не белое,
а в глазах извечное:
что же я наделала!

В кружеве березовом
дождик пляшет бисером -
разноцветно-бронзовым,
браво, дождь, брависсимо!

К ним на пир слетаются
вороны с воронами,
там не полагается
листьям быть зелеными

И гудит-качается
в небе лунный колокол,
ветер норд отчаянно
тянет тучи волоком.

Отчего ж невесело
на гулянье свадебном?
Осень ветви свесила,
что ей глупой надобно?

Гонит вихрь пожухлую листву
по холсту заплаканного утра,
перепутав осень и весну,
землю дождь осыпал перламутром,

Радостные схлынули тона,
осень золотая стала бурой,
от зари сверкает дотемна
влажная ее земная шкура.

Сразу постарели деревья,
лишь местами золотятся пятна...
все стареет...ну к чему слова?
и без слов, пожалуй, все понятно.

2008

Падает листва и пахнет прелью,
Навекая небу зимний сон,
И на желтой лиственной постели
Отдыхает серый небосклон.

Отдыхает серое безмолвье,
Окропляя редко по утрам
Благородной королевской кровью
Осени нерукотворный храм.

Стынет в алом дерево надежды,
Ветер-Дьякон под протяжный свист
Чуть прищурит огненные вежды,
И под купол розово-предснежный
Вознесется обагранный лист.

2009 сентябрь

ЕВГЕНИЙ ПОТАПОВ

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ОБЩЕЙ
И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ
ФИЗИКИ

Окраина города: пустырь и кусты,
Но светом тревожным горят фонари.
Кому и зачем этот призрачный свет?
Жилья рядом нет, дороги здесь нет.
Зачем разрывая чернила ночи
Без смысла свои посылают лучи,
Качаясь под ветром который уж год?
Напрасно, их света никто здесь не ждет.
Уныло и грустно в родимом краю
Светить бесполезно во тьму фонарю
И ждать, разливая света печаль,
Когда же сгорит вольфрама спираль.

Увы, мне зеркало сказало,
Что мне не двадцать и не тридцать пять.
Оно, бездушное, не знало,
Что на дворе весна опять.
Не обмануть стекло улыбкой:
Все седина да седина.
Мелодия судьбы, как скрипка,
Звучит, да больно уж грустна.
Твой голос под сводами храма
Парит, пустоту заполняя,
Тревожит, пророчит страданья,
О вечном мечты навевая.
И кажется мне, не случайно
Зашел за тяжелые двери.
Чуть тьму разгоняя печально,
Под образом свечи горели.

В твои сны прихожу, осторожно
Губ касаюсь - боюсь разбудить.
А наутро звонишь и тревожно
Говоришь, что не можешь забыть
Сон, в котором мы повстречались
На развилке каких-то дорог,
И, прощаясь, поцеловались,
Но остаться со мной ты не мог.
Я тебе не открою секрета,
Успокою: приснилось, не верь.
Но сегодня опять пред рассветом
В твои сны приоткрою я дверь.

ВИКТОР ХРАБРОВ

поэт (Крестецкий район)

НАДЕЖДА

А.С. Малышеву

Мне многого в жизни не надо.
Я был бы и малому рад.
Пусть кружит зимою над садом
Метели хмельной снегопад!
Пусть искры колючей метели
Весною погасят ручьи.
Пусть вновь после звонкой капли
Вернутся в мой край соловьи.
Пусть будет над полем и лугом
Веселое солнце сиять
И я, встретив старого друга,
Мог честную руку пожать.

ХЛЕБ

Он, прежде чем на свет родиться,
Зерном покоился в земле
И, наконец, смог появиться
Ломтем душистым на столе.
А от зерна до каравая
Был путь длиною в целый год.
Тот знает цену урожая,
Кто на земле свой пролил пот.
И как металл высокой пробы
Имеет радуги отлив,
В нем честь и совесть хлебороба
И песен будущих мотив.
Рожден трудом под чистым небом,
Как гимн ему звучат слова:
Нет ничего превыше хлеба,
А хлеб всему есть голова.

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВ

**профессор кафедры
педагогики**

Из цикла "Воспоминания о БАМе"

ТАМ БЫЛА ЖИЗНЬ...

1

Никто не спорил и не ныл
Для всех здесь был закон один -
Ни праздников, ни выходных, одна работа.
И за баранками машин
Ни для плакатов и картин
Мы день и ночь утюжили болота.

Вагончик наш надежный друг,
На стенах карточки подруг,
Мы им писали, редко, но писали,
Что у тайги характер крут,
Что нас "бичами" здесь зовут
И чтоб они нас там не забывали.

Прошло немало лет и зим,
Хотим мы или не хотим,
Но с каждым годом манит все сильнее
Край, где рождается заря,
Где настоящие друзья
И где все люди чуточку добрее.

2

Ругались матом без причин,
Не соблюдали этикета,
Но был дух истинных мужчин,
И в нас тогда ценили это.
Плюс сорок, минус пятьдесят,
А мы на трассе до упада
С утра до ночи жилы рвём
Да просто потому, что надо.
Изнанка каждого видна
На затянувшемся аккорде,
Не разбавляя спирт до дна,
И подлецу - без слов по морде.
Так было там, но там был БАМ,
Там была жизнь, а здесь виденье,
В кривозеркальном отраженье.

3

Жизнь, как будто в белой горячке,
К черту все, и - была-ни-была,
Задыхаясь в безумной скачке,
Жилы рву, закусив удила.
Увеличивая дозу,

Под наркозом толкаю речь,
Перемешивая с навозом
Боль и горечь ушедших встреч.
Отравившись дурманным запахом,
Сам себе отпускаю грехи,
Заполняя душевный вакуум,
По ночам сочиняю стихи.

4

Я с ней не целовался ни разу,
Не лежал на одной подушке,
Почему же ее вспоминаю
Я сегодня в промерзшей теплушке?
Воет ветер, тайге нету края,
А за ним где-то юность наша
И, под стук колес засыпая,
Слышу лишь одно имя: Наташа.

5

Ты сегодня такая печальная,
Ты сегодня такая далекая,
Как звезда на заре прощальная,
Как тальянки песнь одинокая,
Как травинка в лугу потерянном,
Как пылинка, ветром гонимая...
Разлетаются мысли веером:
Кто обидел тебя, любимая?
Может, я оскорбил нечаянно,
Погруженный в проблемы вечные,
Может, кто-то другой отчаянно

Ждет свидания нынче вечером.
Умоляю, не плачь, пожалуйста.
Потемнели озера синие,
Наполняется сердце жалостью,
Покрывается белым инеем.
Леденеет душа догадкою:
Неужели уходишь, милая?
А из глаз твоих слезы сладкие
По щекам бегут с новой силою.
Не понять порой сердце женщины,
Раздирают грудь чувства сложные,
Между нами все шире трещина,
Обнаженной признанья ложные.
Позабудем обиды-горести,
Поцелуемся на прощание,
Окончание нашей повести,
Нашей юности окончание.
Жизнь под осень быстрее катится,
И пустеют души-скворечники,
Мы друг другу умели нравиться,
Хоть и были большие грешники.

1982-1985 гг.

СЕРГЕЙ КАРТАШОВ

**ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ
МЕХАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА**

ДЕРЕВЕНСКИМ...

Деревенский мужик - мозоли с кулак,
Крестьянская кровь, во всем он мастак,
Медалей отлив, орденов хрупкий мост -
Вот этот мужик пришел на погост.

Пришел, помолчал - пилотку долой,
Да слезы из глаз, вернулся домой -
Кругом пепелища, печных труб стволы.
"Ну, что же стоите, накрывайте столы".

Один он вернулся, живой, невредим.
"Садитесь, сельчане, в миру посидим".
Достал он паек, что хранил для своих,
Да только уж нету в живых больше их.

И мятая кружка по кругу пошла
Для тех, кто живой. Ревела душа.
И молча, без слов каждый делал глоток
За тех, кто ушёл, за тех, кто не смог.

И плакал солдат, не стыдясь горьких слёз,
За тех, кому хлеб да сухарь чёрствый нёс.
Он всех потерял на родной стороне -
За что воевал и горел он в огне.

Не надо солдат, мужайся, герой,
Ведь ты воевал за мир и покой.
Твоих не вернешь, на других погляди
И сразу поймешь, что много родни.

Один ты у них работяга-мужик,
Отдохни, оглядись, как мир твой велик.
Винтовку смени на топор и тесло,
Чтоб в доме твоём стало снова тепло.

ПОСЛЕДНЯЯ...

Мы потомки Великих рядовых и старшин.
Отражаются блики покоренных вершин
Кровью взятых высот в той последней войне
Цвета хаки болот утонувших в огне.

Опускается ночь, на постах тишина,
На порубленных ветках нет спокойного сна,
И мороз поджигает, крепок лютой зимой,
Для своих и врагов одинаково злой.

От такой тишины звон в ушах до утра,
Караулы не спят, нет спокойного сна.
Лишь разведка ползет: надо взять языка,
И строчит пулемет из окопов врага.

Коротка была ночь у той вьюжной зимы,
И с рассветом уйдут беспокойные сны.
Под команду "подъем!" захрустит веток
СМОЛЬ,
И останется в них вся солдатская боль.

Боль потерь и разлук на последней войне.
 Кто остался лежать, не проснувшись, во сне
 Ну, а те, кто живой с этой болью прошли
 Русских посвисты вьюг до Берлина дошли.

Донесли их солдаты той последней войны.
И теперь эти даты скорбью нашей полны.
Будем помнить сто лет, свято чтить наперед
Подвиг наших ребят и девчат, словно взлет.

ЖАРА 2010

Не все песни спеты, стихи не все написаны.
Стоит пора, жаркое лето с городскими
пыльными листьями.
Не все дороги исхожены, тропинки бегут
паутиною.
Солнцем, ветрами сожжены или завалены
глиною.

Не все в середине сходится, экватором не
проложено белое.

Пути дороги расходятся в "верую" и "не
верую",
В вечное и пустое, терзающее и безмятежное,
Уходят тропы в иное, грубое и бесконечно
нежное.

Не все в одной точке сходится, не все
пересекаются линии.
Законы математики дробятся жизнью с
сиреневым именем.
Плывут параллельными курсами бывшее и
настоящее,
Пересекая грядущее, в наших телах спящее.

Левое и правое, искренность и неверие -
Это все от лукавого тысячелетиями
отмеренное.
Не все в стихах уместится, не всякая песня с
ударами сердца бьется
Жизнь - со ступеньками лестница,
проходящая под палящим солнцем.

СЕРГЕЙ ПАРХОМЕНКО

**оперативный дежурный
Управления
безопасности и связи**

ЛЮБИНО ПОЛЕ

У леса большого была деревенька,
И люди в ней жили как все, помаленьку.
Звалась незатейливо - Любино Поле,
Но выпала ей незавидная доля.

Здесь в мае жестокого сорок второго
От Финева Луга до Бора Мясного
Гремело военное злое сраженье,
Здесь армия наша дралась в окруженье.

Вдоль Волхова вражья орда наступала,
У ней на пути деревенька стояла,
Фашисты прошли - и дома все разбиты,
И жители тут же в руинах убиты.

Все выжжено здесь, ничего нет живого,
И не возродится селение снова.
И в здешнем лесу не поют с тех пор птицы,
Зато по ночам полыхают зарницы.

Таких деревенок там было немало,
Что вмиг в окруженье с войсками попало.
Их враз уничтожили вихри стальные,
Нет тех деревенок на карте России.

Но не позабыто великое горе -
Буквы огромные: "ЛЮБИНО ПОЛЕ",
Родина-мать в арке скорбно склонилась,
Будто могилам она поклонилась.

Мчатся по трассе машин вереницы.
Мимо летят равнодушные лица.
Ради погибших минутку найдите,
Остановитесь, цветы положите.

Май 2010 г.

ГАРРИ БЕРСОН

**профессор кафедры
растениеводства**

Из цикла "Стихи нового времени"

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Нам обещания пустые
Вожди дарили, не скупясь,
И судьбы наши непростые
Ковала сталинская власть.

Немало прожито событий,
Потерь, находок и побед,
Немало сделано открытий,
И пережито много бед.

Жизнь продолжается! И снова
Очередной переворот...
У власти рушится основа,
Меняя русла поворот.

Готовится иная драма
Про жизнь России молодой,
Уже готова и программа,
Как в ней построить Рай земной.

Но идеалы Кампанеллы
Капиталистам не нужны.
Творить для всех благое дело
Им нет естественной нужды.

Лишь Власть народа легитимна,
Народ умеет побеждать
И на мотив былого гимна
Идеи новые рождать!

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

"Никто не забыт и ничто не забыто!" -
У нас эта фраза изрядно избита,
А память людская, увы, коротка
И многое может забыться навсегда.
В земле захоронены клады и тайны
И их презентации очень случайны.
Что было сокрыто, быльём поросло
И мимо истории тихо прошло.

Но часто мы сами историю пишем,
Пока что-то важное видим и слышим,
А факты несложно потом исказить
И хрупкую правду поглубже зарыть!
Давно это было..Мы жизнь изучали,

Науки нас знаниями венчали...
Однажды под слоем целинной земли
Мы горькую участь кого-то нашли.

Пред нами предстал..о, прости нас,
Всевышний,
Скелет в гимнастерке изрядно подгнившей,
Планшет на груди, кобура на боку...
Я эту картину забыть не могу!
И волосы рыжие из-под фуражки,
Как пакля, окутали череп бедняжки,
А синий околышек с красной звездой
Связал те останки единой судьбой.

Две шпалы алели в трухлявой петлице,
Смотрели на нас лишь пустые глазницы...
Герой безымянный пред нами лежал,
Что в первых боях за страну свою пал,
А покрывало от сильного взрыва
Стало ему безымянной могилой.
Мы лишь чуть-чуть приоткрыли его,
И тот час зарыли, не взяв ничего.

Нами командовал страх суеверья,
Было в то время такое поверье,
Будто тревожить могилы - для всех
Самый большой человеческий грех.
Так часть истории мы закопали,
Только от этого лучше не стали.
Кто же конкретно в земле той лежал,
Этого больше никто не узнал!

Людмила МАКСИМЧУК

**ПОЭТЕССА, ПИСАТЕЛЬНИЦА,
ХУДОЖНИЦА (МОСКВА)**

Из цикла "Зачем мы здесь?"

К 1150-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

Любимый город, Новгород Великий,
Прижимистый и гордый господин!
Среди столиц России многоликой
Как ни суди, но ты такой - один.

Великий город - колыбель традиций,
Республики начало и оплот.
Предмет для притязаний и амбиций,
Немыслимых страстей водоворот!

Единственным ты был - и оставался
И в добрые, и в злые времена.
Язычество сменилось христианством,
Да не сменило твой упорный нрав.

Умел ты выбирать князей владычных,
Умел народ на вече призывать,
То воевать - и часто, и привычно,
То - торговать, то - снова воевать.

А то гулял и тешился игриво,
Варил меды, и крепкое пивал,
Всех угощал - размашисто, красиво,
На гуслях переливчатых играл.

Твои враги - татары, немцы, шведы -
Запомнили: ты всем давал отпор.
Твои несокрушимые победы
В Европе не забыли до сих пор!

Зато потом - борьба аристократов,
Междоусобных войн кровавый меч...
Предательство крушением чревато -
И вольницы ты не сумел сберечь.

И то... Москва - великая хозяйка,
Перечить ей - потом добра не жди!
Жестокость, передел, разгром - однако,
Кто может знать, что будет впереди?

Но и при всем при этом - Божья милость:
Был Новгород - под сенью высших сил,
Как только христианство утвердилось,
Он стал духовным центром всей Руси.

Его князья, святые и пророки
Известны за пределами страны,
И в летописях подлинные строки
Их подвигам давно посвящены.

Никитой Новгородским восхищаюсь,
Антонию-Римлянину - поклон.
Пред Варлаамом Хутынским - склоняюсь
И слышу колокольный перезвон

Его монастыря...Какое ж диво:
Монастыри на благодатной земле!
Как Клопский монастырь стоит красиво,
Где Михаила Клопского удел!

Какие изразцы! Венцы какие
Старинных стен, и служба у мощей!
Перекликаясь со Святой Софией,
Монастыри вставали все мощней.

А если враг - своей молитвой строгой
Могли и государя поддержать.
Так Александру Невскому подмогой
Явилась та божественная рать!

..Святые - их все больше становилось,
И Новгороду с этим повезло.
..Арсению-Затворнику - спасибо
За правду, обличающую зло.

А Вишера, а Савва преподобный,
Стоявший всю седмицу на столпе!
И сколько их всего, служить способных,
Не угождая князям и толпе?!

Все не припомню имена и лики,
Сияющие светом из глубин.
Но всех их знает Новгород - Великий,
Богатый, своенравный господин!

Иные времена - иные нравы,
Несутся, закусивши удила!
..Святые не искали громкой славы,
Но слава к ним пришла за их дела.

Великий город! Мне всегда отрадно
К тебе, к твоей Софии приезжать.
Твоих святых душевно вспоминать,
Твоих святых на помощь призывать,
Твоих святых просить и умолять, -
Чтоб в мире, обустроенном нескладно,
Хоть изредка являлась благодать!

Февраль 2009г.

СОБОР СВЯТОЙ СОФИИ
В НОВГОРОДСКОМ КРЕМЛЕ

Насколько я еще жива,
Настолько вечно жив всеславный
Собор Софии пятиглавый -
России - свет и голова.

Его святыня - от веков -
Икона чудной благодати
"Знамение" - защита рати
И Богоматери покров

От огненных, от черных жал,
От глада, от чумы, от плена.
Великий Новгород колена
Ни перед кем не преклонял!

Я так удачно родилась -
Вблизи - постичь премудрость Божью,
Но столько лет по бездорожью,
Вблизи дорог едва плелась,

Едва ползла, не доходя,
Не находя, не постигая...
София - мудрость вековая -
Себя открыла мне, щадя!

Годами, болью я дошла
И обрела свою опору -
Душа к Софийскому собору
Обращена и приросла.

Через Корсунские врата
Она вошла под эти своды,
К которым князи и народы
Взывали многие лета.

Святые мощи. Древний Крест.
Высокие полати хора.
Остатки росписи притвора
И клады потаенных мест,

Изображения святых,
Царей, апостолов, пророков...
Урок - из тысячи уроков,
Из глав Писаний золотых!

Иконостас - суров, велик...
А перед ним - резная рама
Целительной святыни храма:
"Знамения" чудесный лик!

Душа вошла и не уйдет.
Свеча горит, не угасает.
И Матерь Божия спасает,
И мудрость Божия грядет!

От этих стен, от этих врат
Питалось и возрастало детство,
Переходящее в наследство -
Наследовал мой младший брат.

...У этих стен когда-то мы
Фотографировались с братом...
...И папа с фотоаппаратом,
И сырость северной зимы,

И ряд немых колоколов,
И ранний вечер с перламутром,
И поздний день над поздним утром,
Над сединою куполов,

Чья седина - от седины
"Тысячелетия России",
И...разговоры о мессии,
О благе мира и страны...

Но это после, а тогда...
И мама, и друзья, и книги,
И двор, и школьные интриги,
И новых мыслей череда...

Ну, а еще - потом, потом...
..Укрыто снегом и цветами,
Стихами, чистыми листьями:
Воспоминаний первый том!

А в нем - Софийская строка,
Софийская глава в начале
Моей судьбы, моей печали,
Мой путь и мост через века!

..Любила и теперь люблю
И Ярославово дворище,
И храм, и торг, и пепелище,
И вызов гордому Кремлю,

И башни древнего Кремля,
И Юрьев монастырь старинный,
И все, чем славился былинный,
Воспетый край - моя земля,

И вольный терем, и союз
С Московской Русью златоглавой.
Софийской мудростью и славой
Умножилась святая Русь!

К Москве стремилась я не раз,
И более всего - с надеждой,
Лелеемой моей невеждой,
Пополнить знания запас.

Да вышло так, что мне пришлось
Наполнить до краев копилку:
За мужем следом ехать "в ссылку"
В Москву! - "Знамение" сбылось...

Москва и мне открыла дверь,
Провинциальной прихожанке,
Служительнице и служанке.
Но все же...Новгород - не Тверь!

Но все же...Из Москвы на мир
Открылся взор моей Вселенной;
Мир увлекал красою тленной
И приглашал на званный пир.

Но громче всех миров меня
Моя София призывала
И никогда не покидала,
Своим "Знамением" храня.

Оно - со мной и надо мной...
Домой спешу неторопливо
И... замираю молчаливо
Перед Софийскою стеной.

..Я убеждаюсь: мир велик;
Его начала и кончины,
Как истинные величины,
Непостижимы напрямик.

Я понимаю: потерять -
Еще не значит потеряться...
Софии можно доверяться,
София может доверять.

И мне - доверены дары,
И мне - врата всегда открыты,
И львы на них слегка сердиты,
А мастера зело мудры...

Россия мудростью жива...
Стоит незыблемо всеславный
Собор Софии пятиглавый -
России свет и голова!

Октябрь 1999г.

**ТАМАРА
ПУСТОВАЛОВА**

ПЕНСИОНЕРКА

ХОРОШО НАМ ЗДЕСЬ БЫТИ!

Я живу в удивительном городе,
Где много храмов и много колоколов,
Поющих сильную Песнь
Во оставление наших грехов.

Торжественно строго она звучит,
"Херувимская" Песнь колоколов,
Соблюсти свою жизнь зовет! Кричит!
Во оставление наших грехов.

Славу Господу сумей вознести,
Город бесчисленных колоколов,
Чтоб Духа Небесного в нас "ниспасти"
Во оставление наших грехов.

Боже, исправи наш путь. Освети
Город бесчисленных колоколов,
В истинной вере нас всех утверди
Во оставление наших грехов.

Троице нераздельной поклонится,
Город бесчисленных колоколов,
Таинств небесных поможет сподобится
Во оставление наших грехов.

"Господи, хорошо нам здесь быть!"
И город бесчисленных колоколов
Вторит торжественно - "с миром изыдем!"
Во оставление наших грехов.

Я живу в удивительном городе,
Где много храмов и много колоколов,
Поющих сильную Песнь
Во оставление наших грехов.

28.08.2010

ВЛАДИМИР ИСАКОВ

начальник пресс-центра
"НовГУ-информ"

Из цикла "Верлибры"

ОТВЕТ ДРУГУ

*"Есть только миг между прошлым
и будущим..."
Из песни*

Ты чувствуешь настоящее?

Ты чувствуешь тот невидимый порог
между прошлым и будущим,
за которым царят наши желания, мечты,
где волшебствуют сказки
из нашей неосуществленной жизни?

Там,
В бесконечных измерениях будущего,
В пространствах колдовских превращений
животных, растений, вещей, минералов,
действующих и бездействующих лиц,
купаясь в эфирных столбах света,
парят и пленяются
наши беспамятные души!..

Но ты говоришь о том мгновении,
когда, столкнувшись с прошлым,
мир нашего сумасшедшего воображения
материализуется в тяжелых каменных
идолов,
нежизнеспособных уродов
с бессмысленным пустым взглядом...

Но будущее!
Именно в нем все наше оправдание!
Это грозное сладкое вечное будущее,
Провоцирующее на непрерывное
экспериментирование,
На жизнь!

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

***"ВНЕЗАПНО, КАК ОТ
ШАЛЬНОЙ ПУЛИ,
ЗАХЛЕБНУЛОСЬ СЕРДЦЕ"***

РУСЛАН ДЕРИГЛАЗОВ

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК
НОВГУ"**

ЗАХАР И АВДОТЯ

**Два фрагмента из будущей книги
"Беляиха и др."**

Мои дед и бабушка с маминой стороны - Захар Михайлович и Евдокия Федоровна Беляевы - вятские, из крестьян. Откуда именно, не знаю. Помню только, бабушка поминала Мельнич и Котельнич (городок Котельнич и сейчас существует). В Забайкалье попали, судя по всему, еще до Столыпинской реформы, в числе, видимо, тех более пятидесяти тысяч душ, которые в 1885 - 1901 годах выселились из Вятской губернии в Сибирь. Это была великая переселенческая революция, направленная на освоение Сибири, при участии государства и лично Государя Императора Николая II. Благодаря ей население Сибири к 1917 году удвоилось.

Вот и Беляевы мои были подхвачены этим мощным переселенческим потоком и перенесены из вятских пределов в Сибирь, за Байкал, в Читу. Сначала уехал Захар вместе с другими земляками, артельно. Потом выписал молодую жену. Это какой же она была пассионарной особой! - неграмотная, никакого представления о географии не имевшая и нигде дальше Вятки не бывавшая, по Транссибирской железной дороге (интересно, откуда она пустилась по ней в путь, с какой станции?) после многодневной езды добирается до неведомой Читы - и находит там своих вятских, а через них уж и своего Захара. Тот работал тогда, насколько помню мамины рассказы, на шубной фабрике у известного миллионера Второва. Кого-то из фабричного начальства возил. Так и начали жить на забайкальской земле. А потом уж каким-то образом оказались в ближайшем пригороде - в шахтерском поселке Черновские копи.

Самые ранние мои воспоминания,

связанные с бабушкой, относятся к трех-четырёхлетнему возрасту.

Маленькая, но крепкая (боровок этакий) и подвижная (передвигалась только бегом), с личиком как печеное яблочко, обрамленным густыми алюминиевыми волосами, коротко стриженными и схваченными на затылке большим круглым гребнем, она до четырех лет протаскала меня, любимого ее внука, на закорках. С утра

подхватывала меня на спину, и мы пускались с ней по поселку. Встретится по дороге с какой-нибудь знакомой, зацепятся языками - и триндят, триндят, а я сижу на бабушке невольным слушателем, ничего не понимающим в этих разговорах, бесследно пролетающих мимо моего сознания... Так и заснешь, бывало, от скуки. А проснешься от потряхиваний - бабушка пустилась в дальнейший бег.

Так она и носила меня на себе, как живой "рюкзак", до тех пор, пока, привычно перелезая со мной через забор на задах нашего огорода, не зацепилась-таки длинной своей юбкой - и мы полетели с ней с забора и встали на головы. Она зашиблась, а я - ничего. Но все равно после этого она стала водить меня за руку, что ей совсем не нравилось, поскольку я с моими мелкими шажками сильно замедлял ее передвижение.

Достаточно внятно помню ее дом с двумя окнами во двор и с двумя - на улицу, окна со ставнями, коваными плоскими накладками на них с круглыми засовами, запирающимися изнутри; помню невысокое крылечко в три, что ли, ступеньки, завалинку вокруг дома; помню хорошо выметенный земляной двор, в котором я играл в одиночестве: строил из земли домики, вставлял в них окошки из подходящих осколков стекла и воображал жизнь в них... Из надворных построек лучше всего запомнилась бывшая конюшня с сеновалом. Лошади к тому времени у бабушки уже не было, и в конюшне летом держали корову, но все равно в ней так замечательно пахло не

только сеном, но еще и тележным дегтем (да, кажется, и телега еще стояла), конской упряжью, которая все еще висела по стенам на деревянных штырях, и еще какими-то "лошадиными" запахами! Помню овощные грядки во дворе и большой огород за домом, полого поднимающийся на невысокую абсолютно безлесную сопку, широко распростершуюся ровным округлым боком. Летом она покрывалась луговым забайкальским разнотравьем с множеством алых маков на высоких ворсистых ножках и редкими саранками, немолчно звенящим стрекотом разнокалиберных кузнечиков, разбрызгивающихся из-под ног. Как хорошо было здесь жарким летним днем бегать, собирать маки, лежать в траве и наблюдать вблизи жизнь разнообразных ее обитателей, или перевернуться на спину и смотреть в бездонное голубое небо и лететь куда-то вместе с редкими облаками, совершенно растворившись в окружающем...

А от дома сразу за уезженным дорожным полотном улицы был крутой спуск, выходящий на следующую улицу под горой, довольно широкая и ровная тропа - оттуда приходила вечерами мама с работы. Мы с бабушкой сидели на завалинке и ждали ее. И когда, наконец, ее светлое платье появлялось внизу - я пускался без оглядки по этому спуску. Ноги бежали сами, и мне надо было успевать за ними, и от этой гонки за собственными ногами захватывало дух, и страшно было упасть с такого разгона или

улететь куда-то мимо и разбиться - и какое счастье было попасть все же в мамины коленки, в ее крепкие радостные и ласковые объятия, и вдыхать ее родной теплый запах, слегка украшенный скромными косметическими ароматами того времени... А раз в неделю так же встречал и папу, который работал в Чите и приезжал к нам вечером в субботу.

Улицы обрамляли сопку уступами, одна над другой. Наша была верхняя.

Как мама рассказывала,

дело было вскоре после революции. Шахта перестала работать, все начальство, в том числе и управляющий шахтой, у которого в прислугах работали Захар и Авдотья (как все звали бабушку: Евдокией она была только по паспорту), уехали от греха. Наступил в шахтерском поселке период безвластия и дальнейшей неизвестности. А жить-то как-то надо. И вот пришли мужики к Захару - просить его, как самого грамотного, возглавить местную власть. Не шумело, не гремело - стал мой дед первым председателем Черновского ревкома. Ни в подпольщиках не был, ни в каких митингах не участвовал, а вот на тебе. Жил тихо-смирно, лошадок любил и возил управляющего, а еще страсть любил читать книги, за что без конца бывал руган абсолютно неграмотной женой (так она неграмотной всю жизнь и прожила). И вот - оказался "красным" активистом. Судьба сама на него набрела, сама и выбрала.

Ну что же, против "опчества" не пойдешь. Не знаю, кого еще дед взял в свой комитет, но начал он свое председательство очень ярко.

Мужики все почти в поселке работали в забоях, добывали уголь. Причем организация труда была такая, что каждый работал столько, сколько хотел. Расчет был понедельный. Кто хотел заработать побольше - работал всю неделю, а кому-то и трех дней хватало. Кроме того, все жили натуральным хозяйством. Так что и свои домашние надобности отвлекали другой раз от шахты. Вольно жил тогдашний шахтер. Во всяком случае, в Черновских копах. Так бабушка рассказывала.

Ну так вот, в результате прекращения угледобычи и отсутствия всякого руководства шахтеры к тому времени уже по несколько месяцев не получали зарплату. Это у нас ныне в "новой демократической" России дело привычное: люди работают - и месяцами зарплаты не видят, а тогда, при "проклятом" царизме, это было что-то из ряда вон. И первое, что мужики потребовали с Захара, - решить как-то этот наболевший вопрос. И он решил.

Запрягли подводу, комитетчики во главе с председателем, а может, и сочувствующие в поддержку, сели и поехали в Читу. В тогдашний Госбанк.

Подъехали. На крылечке стоят два "человека с ружьем". "Вы куды?" - "Куды надо", - да охранников-то и "нейтрализовали" без лишних слов. Причем бескровно, поскольку приехали

безоружно. Решительно прошли в банк. По причине полной смутности тогдашней власти никаких бумажных денег брать не стали - взяли золото. Казенными слитками-брусками. Причем ровно столько, сколько нужно было, чтобы расплатиться со всеми шахтерами (выходит, перед тем как ехать Захар все прикинул, посчитал). Вынесли, погрузили на подводу и айда домой.

Едва ли Захару было известно слово "экспроприация" и модный тогда слоган "грабь награбленное". Грабителями ни он, ни соратники себя, естественно, не считали. Нет, руководствовались элементарными представлениями о справедливости.

В Черновских, около шахтоуправления, их уже ждали. "В очередь, мужики! Давайте все в очередь", - распорядился дед. Принесли большую колоду, на которой дрова кололи, и острый топорик. Дед взял топорик - и приступил к выдаче. Без всяких ведомостей. "Ты, Матвей, за сколько месяцев не получал?" - "За два". - Дед примерился, глазомер у них у всех тогда хороший был, и оттяпал от золотого слитка соответственный кусок: "Получи". "Так, а тебе за сколько?" - "За полтора". Тяп - тоже получи. И так всем. Ну и себе тоже взял, сколько причиталось.

Все, довольные, разошлись, а через день явились некие вооруженные всадники - видимо, представители тогдашних читинских органов правопорядка. Мама говорила "чекисты". Но нет, на чекистов не похожи: больно уж милостиво они с "грабителями" обошлись - ограничились

обысками. Жили все настолько просто, да и народ все бесхитростный, так что не стоило большого труда все почти золотишко собрать. С тем и уехали. Никого не били.

Все да не все.

Друг деда Степан, мамин крестный, свое золото дома еще подшинковал и упрятал... куда вы думаете? - в свежую коровью лепеху. Сидит себе на лавочке около крыльца, цыгарку покуривает да время от времени курей от лепехи отгоняет... С обыском пришли - он спокойнехонек сидит. Ни бровью не повел, ни с места не сдвинулся: "Идите ищите". Обыскали, ничего не нашли да и ушли ни с чем.

А мой дед ночью после раздачи драгметалла куда-то из дому уходил и где-то в огороде за домом что-то делал. Авдотья за ним следила: в сени потихоньку вылезла, слушала, где ходит... Не иначе, поняла, закопал в огороде. Слышит, муж возвращается - она мигом в постель: спит-посыпает, ничего не знает. Ну ладно. С обыском и к ним пришли. Как-то дед отговорился. Обыскали - опять же, ничего не нашли.

Народ был в поселке, судя по всему, не подлый, никто никого не закладывал.

А вскоре Захар вместе с крестным засобирались в Китай.

Тогда в Китай съездить в тех местах было все равно что сейчас нам в Краснодар, например. Ни виз тебе, ни таможен. Пограничников было мало, да и с ними, видать, всегда можно было договориться. Ездили за мануфактурой, что

понималось очень широко, за чаем, за разными нужными вещами, которые в то беспокойное беспорядочное время были в дефиците.

Ну как Захар уехал, так Авдотья лопату в руки - и давай в огороде искать закопанное дедом золото. Уж весь-то огород, почитай, перекопала - все зря. Так и не нашла. А надо знать мою бабушку, ее энергию и смекалку. Ну и ее вздорный характер. После таких напрасных трудов можно представить - в каких чувствах и настроениях встретила она своего умного мужа из Китая...

Но он столько всякого добра привез, что скоро отошла Авдотья. И несколько опосля все же заставила его признаться, где же он золото-то спрятал. И что оказалось. По огороду-то по ночи он ходил специально для своей супружницы, пронырливый характер и излишнюю говорливость которой прекрасно изучил. А на самом-то деле никуда он его не закапывал. В оглобле с торца высверлил поглубже - и туда спустил золото, предварительно измельчив его на подходящие кусочки. Оглоблю залепил глиной - лошадь запряг да и поехал. Езды было несколько дней. Останавливались на постоянных дворах, где-то ночевали. И везде Захар безбоязненно оставлял свою телегу среди других. И так благополучно добрался до цели, до какого-то там китайского города, мне не известного. И на месте уже расколупал оглоблю, достал золотишко и отоварил его. Ну и с товарами уже благополучно вернулся домой.

Каких-то эпизодов его дальнейшей карьеры

красного председателя я больше не знаю. Но он определенно еще чем-то занимался после дележки золота. И чем-то, надо полагать, более серьезным, если в конце концов ему пришлось бежать от японцев.

Прискакал верный друг Степан, лошадь в мыле: "Японцы идут! Спасайся, Захар!"

Лошадь развернул и ускакал. Куда деваться? Что делать? Других верных дорог кроме той, по которой шли интервенты, нет. Догадливая Авдотья говорит: "Лошадь запрягай!", а сама давай все бочки, какие были в хозяйстве, стаскивать к телеге. Захар - на телегу, жена его большой бочкой накрыла, посреди телеги, а кругом остальные бочки нагромодила. И так, помолясь, поехала навстречу японцам. Скоро они ее остановили. Через переводчика спрашивают, кто такая да куда едет. Авдотья всю жизнь была баба бойкая и смелая, так что и тут не оробела: объяснила толково и убедительно, куда бочки везет. Японцы какие-то бочки посбрасывали с телеги, посмотрели остальные - все, вроде, пустые, ну и отпустили ее. Она потом уж вспоминала, как она обмерла, когда они за бочки принялись - а ну как все разберут!.. Бог миловал. Так и спасла своего Захара. Отвезла его к верным людям. А те помогли ему скрыться.

Авдотья вернулась домой, а вскоре к ней пожаловал японский офицер с переводчиком. "Гыр-гыр-гыр", - сказал желтолицый тщедушный офицер и строго блеснул стеклянными кругляшками. "Господин поручик спрашивает, где

твой муж". - "Не знаю. Уехал куда-то". - "Куда?" - "Я же говорю, не знаю. Он мне не докладывает".

"Гыр-гыр-гыр", - перевел переводчик. Офицер неодобрительно посмотрел на Авдотью, такую же малорослую, как и он сам, внимательно оглядел избу, опустил глаза вниз, где к его сапогам ластилась кошка. Улыбнулся, наклонился, цепко и плотно ухватил Мурку за загривок и поднял перед собой. Та вяло сопротивлялась, судорожно выпячивая вперед задние лапы.

Японец как-то странно посмотрел в лицо Авдотье, что-то коротко бросил переводчику, который крепко ухватил ее сзади за шею, и - пестрой Муркиной мордой резко ударил ее в зубы.

..Бабушка умерла в весьма преклонных летах. У нее были все зубы - кроме передних, выбитых тогда японским поручиком.

А дед скрывался где-то в окрестных лесах, в болотах. И так там застудился, что потом, когда японцев турнули и он смог вернуться домой, сильно занемог. Уж так тяжело, что пришлось фельдшера позвать, какой был на ту пору в поселке. Выдал тот какие-то снадобья: порошки, капли в темном пузырьке. Но Захару лечение впрок не пошло, тут же, почитай, и умер. Ну что, тепели да и похоронили его. Осталась Авдотья одна с дочкой.

К Пасхе, как водится, весь дом мыли-чистили, в порядок приводили. Ну и лекарства, которые от Захара остались да так где-то и стояли, тут взяли да и выбросили наконец на помойку в углу двора, прямо перед кухонным окном. И видят: пес

Пиратка по помойке ходит, в надежде чем поживиться. Понюхал пузырек темный с белой наклейкой из-под лекарства, полизал - лекарство, видно, из него вылилось,- да тут же на глазах у всех и сдох. Кинулись к фельдшеру, а его уж давно и след простыл.

Так и осталось не ясным - кто и за что деда отравил.

ВИКТОР КУТКОВОЙ

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ДИЗАЙНА

ИСКРА НА ПРОВОДЕ

В пустом вечернем трамвае тишина разрывалась прерывистой канонадой колёс. Что там ещё? И когда на остановке вошла молодая пара, Старик обрадовался концу своего дорожного одиночества. (Удар света: фонарь. Каракули морщин). С интересом стал поглядывать на спутников.

Кавалер, впрочем, не совсем молод; чем-то раздражён, крайне. Чем? Скрывать чувства теперь стало пережитком?

Квадратный торс. Мускульное беспокойство спины. Потерянное лицо девушки: бороздили невидимые кораблики, вкривь и вкось; множество переживаний: но больше всего становились заметными вина и отчаяние.

Она тронула Его за рукав и нескладно присела рядом, не замечая на темных колготках дырочки-

искры.

Он резко отдернул руку. И сквозь сжатые дулом губы выпалил:

- Б...!

Девушка осеклась, точно ударилась лицом о стекло. Ассиметричный фас. И почти инстинктивно глянула на Старика.

Всего полувзгляд. Однако утомительно тяжёлый: отчужденный, укоряющий - и в то же время - умоляющий и жалкий.

На ближайшей остановке Старик вышел. Шагнул прямо в темноту, которой не ощутил. (Что за визги? Железом по стеклу). Он попробовал закурить трубку, но табак вызвал одно отвращение.

Ни о чем не хотелось думать. Перед глазами вяло роились медно-хвостые искры - верный признак грядущей бессонной ночи. Визги тошнотворно повторились. Вопреки стараниям, мысли снова и снова наталкивались на случившееся и не оставляли в покое. Полноте. За свою долгую жизнь Ему приходилось видеть, а тем более слышать - разное. Всегда переживал. Такой характер...И все же сегодня неизъяснимо был ранен.

И Он, поборов себя, еще раз глянул на молодых.

Горьковатый, дымный привкус во рту.

Девушка рисовала на потном стекле какие-то каракули. (Морщины?) И тут же одним махом размазала их. Она приплюснула нос о вытертую лакуну и, улыбнувшись, украдкой посмотрела на Старика. И даже, может быть, не на Него, а куда-

то мимо - дальше - в чернильную пустоту вечера.

Странные визги напоминали хрипы лая. Впрочем, это был вовсе не лай: кудрявый мальчишка, неумело дуя в свистульку, с азартом, с остервенением, с упоением пинал поодаль консервную банку.

Пустота, одна черная пустота...

Старик выбил табак и провел пальцем по крутому "гламурному" изгибу трубки; потом, переложив из ладони в ладонь, вдруг метнул её так далеко, насколько хватило сил. Поднял воротник. Спрятал лицо в шарф: скулы кусал шершавый ноябрьский ветер. Свел руки за спиной. И пошёл в обратную сторону.

Внезапно, как от шальной пули, захлебнулось сердце. Сила земли неумолимо перешибала силу ног, медленно приарканывая Старика к себе. Стоять. Рано! Он привалился спиной к облупленному забору (хрустнули под лопатками растресканные, скукоженные остатки краски) и полез в карман за таблеткой.

Трамвай исчез за чёрными купами кустов, изредка выдавая себя слепящей звездой на проводе.

БЕЛЫЕ АКВАРЕЛИ

Он сидел в комнате один и пел.

За окном летали "белые мухи", лениво роясь и превращая всю землю в огромный распластанный ватман.

Уже давно Он не пробовал голос и, пристыженный Ею вчера, решил послушать себя. Пелось с трудом: губы стали точно чужими, деревенели; звук выходил тусклым, надтреснутым, существовал отдельно от воли хозяина и был, как Ему казалось, сродни глупости болтливого человека; дыхание же вместо того, чтобы рождать пение, его убивало.

Словом, это - и не голос, а грязно-рыхлый мартовский снег.

И петь при Ней - было бы непростительным легкомыслием. Верно. Хорошо, что вчера не поддался на уговоры...

"А все-таки Она заметно подурнела лицом", - подумал Он.

И поправил перекошенную "Метафизическую картину" Джоржо Моранди - репродукцию, вырванную из журнала и приклеенную пластырем над кроватью.

Его поразили брови: некогда чёрные и в каллиграфическом росчерке застывшие волос в волос, теперь они, рыжие и тонко выщипанные, приняли легкие очертания романских арок; отчего Ее лицо полнилось вовсе не Ренессансом, а стало простовато-сентиментальным, болезненным и затасканным.

- Ты посмотри, - вяло хихикнула Она. И махнула рукой в сторону ребят, расписывающих акварелью снеговика.

- Мне пора, - выдохнул Он, встав со скамьи. - Прости.

- Я ведь завтра уезжаю - покажи мне Твои дома. Их, надо полагать, уже много?

- Нет. Я оставил архитектуру. Теперь занимаюсь графикой и изредка, когда дают, проектирую интерьеры.

- Мы увидимся завтра?

- Непременно. Здесь же, часа на два позже, согласна? Завтра ведь двадцать девятое февраля - лишний день - помнишь, наш день! - который дарит, нет, дарует нам судьба.

- Зачем Ты отпустил бороду? Теперь у Тебя дикий вид.

- Не торопись уезжать. Прошу. Вот увидишь, у нас все будет хорошо.

За окном продолжал падать снег. Светились от фонарей деревья...утонула под пухлым сугробом скамья: они там сидели вчера... Нелепо, тупо и одиноко устался в пустой двор разрисованный, но с одного бока уже припудренный метелицей снеговик, пока его ногой смертельно ни пнул "под дых" кудрявый, светло-русый мальчишка, пробежавший мимо...Пора было отправляться на свидание.

Он взял бритву. И стал поправлять бороду.

Мысли роились, взвихривались, как хлопья снега, громоздились, теснясь одна на другую. А

потом рассыпались и неузнанно мертвеющими отлетали в небытие. Они вырвались из своих ирреальных лабиринтов - рука неожиданно дернулась - бритва выхватила большой клочок волос: борода оказалась испорченной непоправимо.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

Вихри мыслей обернулись вихрями чувств.

Как болезнь, накатило настроение обворованного человека.

Он подошел к окну. Кургузый грузовичок попыхивал дымом из-под колес.

Метнулся взглядом из стороны в сторону: влево, вправо. Мешал грузовик. Вправо. Влево. Нет. Она не пришла.

Ладно!

Что за напасть? Тошнота почти... Требовались до зубного хруста усилия, чтобы удержаться от взрыва изнутри.

Он снова схватил бритву; крепко выругался; нервно помогая ножницами, снял всё, что осталось от бороды.

Болотный дух хандры рвался и травил сердце.

Как никогда хотелось отсидеться дома. Сосчитал пульс: сто ударов! Восковые оплывы век. Таким - беспомощным и разбитым - ни в коем случае нельзя показываться на глаза людям. Решено. Он еще несколько раз выглядывал в окно, но в душе даже радовался, что Она не появлялась. "Vita nuova. Vita brevis" Новая жизнь, жизнь коротка, - безотчетно повторял Он, укладывая

бритву в футляр. Он механически придвинул к себе стул. Что может быть лучше работы? Раскрыл краски. Поставил планшет. Прикнутил, а потом смочил губкой бумагу. Но положить первый мазок не поднималась рука...

Свои белые акварели начинала писать в раскрут все больше занимавшаяся метель.

За стеной орали.

И зимою жасмин ранним утром цветет,
Если кто-то влюблен, и друг к другу идет,

Если кто-то развел слишком жаркий костер
И взошёл на него, как заходят в шатер,
Ради той, что летает над ним в небесах
И срывает жасмин утром в зимних садах.

Если кто-то влюблен, и друг к другу идет, -
Соловей в январе об июне поет.

..Он вздрогнул от стука в дверь.

За стеной гуляли: с тупой и оглушительной музыкой, с топотом и криками, с тостами.

Заканчивался еще один день, лишний день високосного года...

Отсидев ногу, Он захромал открывать, мешковато раскачиваясь из стороны в сторону и выхрипывая под нос приставший мотив.

Сосед по общежитию, теряя терпение, прокричал из коридора:

- Тебя ждут внизу.

В сумасбродном вальсе, с завизгом, над городом-пустыней продолжала носиться снежная круговерть.

ЕВГЕНИЙ ЖУКОВ

**выпускник
филологического
факультета НГПИ**

КОЖИН

Каждым утром я вижу этого плотного, с крупным, красным лицом человека. На моё вежливое "Здравствуйте!" он отвечает кивком своей тяжелой головы. Это мой сосед, Сергей Иванович Кожин.

Немного медлительный, скупой на движения, - во всем его облике присутствует незави-симая степенность. Он очень напоминает кулака с агитационных плакатов двадцатых годов, - лишь только с той разницей, что на плакатах изображались бородачи, - лицо же Сергея Ивановича всегда гладко выбрито.

Жизнь его размеренна, как отлаженный механизм. Рано утром я уже слышу, как, почихивая, тархтит его самодельный трактор. Будучи человеком технически подкованным, Кожин собрал его сам и довольно быстро.

Вот он обходит тяжелыми, мерными шагами свой двор, попутно что-то подделывая, давая хозяйские немногословные распоряжения своим домашним, которые тут же ими и исполняются. Помимо большого, просторного дома, огорода, надворных построек, бани есть у Сергея Ивановича неподалёку от деревни и небольшой клин земли, засеянной под пшеницу и овес.

Кожин настолько слился со своим хозяйством, что представить Сергея Ивановича вне его просто невозможно. Как и всякий крепкий хозяин, он вызывает у менее удачливых односельчан ядреную и вместе с тем мелкую, мешающую им жить, "лапотную" зависть.

Когда он выезжает со двора на своем тракторе, вслед ему посылаются матерные проклятия его земляков. Но за моторным шумом он вряд ли слышит их, а если и слышал, то никак бы не отреагировал на эти замечания.

Кожин по-своему презирует поселковый плебс, считая людей, его составляющих, дармоедами и безнадёжными пьяницами.

- Терпеть не могу этих бяздельников, - сказал он мне однажды. - Зачем они живут, падлы этикие. Одно в башке, как бы водки нажраться. Гады проклятые. Ходють, коптят небо, сволочуги.

Приблизительно в таких же, если еще не в более крепких выражениях, оценивают Сергея Ивановича и его многочисленные недоброжелатели. Питая горькую, как сама водка, ненависть к людям пьющим, Кожин как бы забывает, что и сам он в молодости, да и в зрелые

годы, очень крепко пил, являя собой тип потомственного алкоголика, для которого труд есть не что иное, как единственная защита в борьбе с пороком. Я не ошибся, назвав Сергея Ивановича потомственным алкоголиком, потому что прекрасно помню его краснорожего папашу, Ивана Мироновича. Это он, могучий, седовласый старец, со скоростью литерного паровоза мог добежать до сельпо, лишь только услышав, что в магазин завезли водку или какое-нибудь дешевое вино.

Вообще старик Кожин вместе с наружностью передал своему сыну две страсти. Страсть алкогольной зависимости и страсть человеконенавистничества - такой угрюмый, древний, лесной мизантропизм. Похожи отец с сыном были и в своем отношении к женам. Вот уж не скажешь, что эти мужики были под башмаком у своих благоверных. Старушка Кожина могла жаловаться на старика-пьяницу только своим овечкам, которых она пасла рядом с домом. И Вера Николаевна - жена Сергея Ивановича - не смела перечить своему мужу ни в чем, за исключением тех случаев, когда он требовал деньги на водку. При этом он был страшен. Никогда не забудут соседи памятный прыжок Веры Николаевны через кожинский плетень. Убегая от обезумевшего, белогорячечного мужа, Николаевна не забыла, однако, прихватить с собой кожаную сумку, в которой были деньги. Так и запомнили её соседи: прыжок стилем "ножницы" и черная сумка под мышкой. Рассказывая этот эпизод

из жизни семьи Кожиных, соседи удовлетворенно и вместе с тем ядовито улыбались.

Но прошло время, и поводов для злых соседских улыбок почти не стало. Иваныч, как называли его редкие собутыльники (редкие, потому что он предпочитал пить один), "завязал". Ахиллеса пята, куда направлены были стрелы сельских "критиков", вдруг покрылась щитом здорового образа жизни. Благо в большом кожинском хозяйстве помимо овец, бычков и до-машней птицы были две коровы, дававшие отменное молоко. Так что творог, сливки, масло не переводились в доме. Вера Николаевна всегда приторговывала молоком, причем лучшее она, конечно, оставляла своим, а что похуже продавала дачникам и тем местным, у которых коров не было. Все домашнее хозяйство держалось на ней. С раннего утра и до позднего вечера, почти до ночи, тяжелый деревенский труд не выпускал ее из своих душных объятий. Вертясь как белка в колесе, она и ела-то на ходу. Труд без полноценного отдыха, жизнь с таким мужем до времени состарили эту когда-то неплохую женщину.

Но все это умопомрачительное трудолюбие кожинской семьи не было только жизненно необходимым условием. Весь этот тяжкий труд был и трудом во имя скупости, скупости природной и приобретенной одновременно. Я видел однажды, как Вера Николаевна считала выручку после продажи "вечернего" молока. В эту минуту какой-нибудь Плюшкин рядом с ней показался бы весьма жалким и незаметным учеником. При виде

денег на ее невыразительном, каком-то атрофированном лице появлялась улыбка сладостного удовлетворения.

Будучи самыми состоятельными людьми в поселке, Кожины не отказывали себе только в хорошем, добротном питании. Во всем остальном они были аскетичны почти до безумия. Сергея Ивановича я не могу представить без грубого, какого-то бесцветного от времени и постоянной носки свитера, латанных-перелатанных штанов из дерюги, вылинявшей и застиранной до дыр рубахи. "Туалет" дополняют вечно носимые сапоги, изредка сменяемые ботинками из кожзаменителя. Из головных уборов Сергей Иванович предпочитает вязаную шапочку, которую я помню на нем лет шесть, если не больше. Вера Николаевна одета приблизительно так же. Исключение составляет лишь обувь, - дело в том, что до первого снега она не пользуется ею совсем и ходит босая. "Верочка у меня закаленная", - по-своему шутит Сергей Иванович по этому поводу.

Кожинская скупость не распространялась лишь на единственного ребенка в семье - дочь Люду. Больше Господь детей Кожиным не дал. Еще при жизни стариков маленькая Людочка была общей любимицей. Бабка боготворила её, дед, не особенно даривший любовью детей вообще, Людмилке делал исключение. Родители, Вера Николаевна, так и Сергей Иванович, только ею и жили. Что ж удивительного? Люда была не только единственной, долгожданной, но она была и наследницей. В дочке своей видел Сергей Иванович

продолжение всего кожинского кореня.

Когда ей было лет восемнадцать, это была светловолосая и большеглазая девушка, ширококостная и плотная в отца. Но и в то время в ней уже чувствовалось природное, подкрепленное воспитанием, кожинское человеколюбие или точнее неприятие людей.

Её личная жизнь не сложилась. Тяжелейшим ударом для Кожиных явилось замужество Люды. Прожив с ней в муках лет пять и не желая мириться с участью батрака, муж, оставив ей в память о себе двух детей, ушел из семьи. Тяжелому самолюбию Сергея Ивановича был нанесен и не менее тяжелый удар судьбы. После развода дочери он ходил, как говорили все те же соседи, мрачнее грозовой тучи почти год. Переживания выбелили его волосы, а походка приобрела старческую неуверенность. Но здоровая, крестьянская порода перенесла и этот "недуг".

Теперь по хозяйскому двору бегают уже подросшие шумные внуки. На них покрикивает уже тридцатипятилетняя, превратившаяся в какую-то ключницу, Люда. Сергей Иванович с хмурой теплотой смотрит на младшего внука Сережу и улыбается. Теперь этот визгливый и непослушный мальчик - его отрада и утешение в наступившей старости.

Сколько лет проживет Сергей Иванович на свете? Как долго он будет объектом зависти и сплетен сварливых и вечно недовольных односельчан? Одному богу известно.

СЛУЧАЙ С ВЕЛЕВСКИМ

Опираясь на трость, Сергей Викентьевич Велевский шел своей неспешной, прогулочной походкой по набережной. Давно он выбрал для прогулок это место в городе. Воздух от воды был свеж и чист. Здесь славно дышалось. Ему нравилось смотреть на серую осеннюю воду, оттененную свинцовой синевой, на белых, крикливых чаек, мерно покачивающихся на волнах.

При первом же взгляде на Сергея Викентьевича всякий увидел бы в нем интеллигентного человека. Все в нем от аккуратной, выхоленной бородки, обрамляющей красивое лицо, до последней пуговицы его серого драпового пальто дышало интеллигентным изяществом. Работал он в педагогическом институте, где уже без малого тридцать лет возглавлял кафедру биологии. Недавно он закончил книгу о социальных насекомых и уже в его творческой голове зрел план новой работы. Был он человеком немного замкнутым, неразговорчивым, сугубо книжным. Такие люди, как правило, полностью сосредоточены на той области знания, к которой их призвал живой с детства интерес и непоколебимая уверенность в том, что выбранный ими путь единственно значим.

С самых малых лет Сергея Викентьевича интересовала жизнь живых существ, особенно насекомых. Ребенком он мог часами просиживать у муравейника, наблюдая его

сложную и мудрую работу, глядя на рыжие ленточки лесных муравьев, которые бесконечными потоками разбегались от их суетного, хлопотливого дома. Всё это хаотичное, беспорядочное на первый взгляд копошение увлекало его, и его отцу Викентию Александровичу стоило немалого труда, чтобы оторвать сына Сережу от этого занятия.

Позднее, увлекшись энтомологией, Сережа назойливыми просьбами склонял отца и маму, чтобы они купили ему или открытки с понравившимися ему насекомыми, или коллекцию бабочек, или книжку, иллюстрированную разноцветными картинками.

В институте его любили за мягкий, добрый нрав, за ту увлеченность, с которой он передавал знания и научный опыт своим студентам и между собой называли его "наш Викентыч". Заметно было, что он несколько тяготился заведованием кафедры, отрывающим его от научной работы - единственного дела его жизни, которому он отдавался всем своим сердцем.

На набережной было тихо. Здесь гуляло мало людей, что радовало Сергея Викентьевича, любившего тишину и покой. Почему-то это место не было популярным у жителей города, и даже летом в самую жаркую, солнечную погоду, когда всё живое стремилось к воде, на набережной никогда не было много народу.

А между тем город, улицы которого заполнили шумные, бесноватые толпы людей, бурлил. Можно было увидеть знамена всех политических партий,

от кумачовых большевистских до имперских ярко-желтых с черными продольными полосами. В этом разноцветье, сутолоке и людской неразберихе не было места спокойствию и холодному расчету. Казалось, что все сошли с ума. Толпы стекались к главной площади города, где люди кипели подобно лаве проснувшегося вулкана. Толчея и беспорядок усугублялись и тем обстоятельством, что милиция, призванная законом следить за порядком, была немногочисленна и пассивна.

Народ, собравшийся на площади, гудел как растревоженный улей. То тут, то там вспыхивали и гасли, как искры от разгоревшегося костра, речи ораторов всех мастей. Их слова люди слушали или с почтеным вниманием, или с тупым равнодушием, или с откровенной враждебностью. Гул, царивший на площади, был слышен и в ближних к ней кварталах города, а лающие звуки репродукторов достигали набережной.

"Что там происходит?" - думал Велевский. "Какая-то очередная сходка". Он до дрожи отвращения не любил политику, считая ее делом грязным и подлым, а людей, занимающихся ею, выскочками и приспособленцами, доходящими в своем цинизме до истоков порока. "Когда же всё это кончится?" - продолжал распутывать кудель своих мыслей Сергей Викентьевич. "Когда люди заживут нормальной, достойной жизнью? Когда прекратится весь этот гвалт и неразбериха?"

Затем он стал думать о своей новой работе. О том, что в его маленьком, но очень уютном

кабинете на столе лежат и ждут его чистые листы бумаги. Велевскому стало приятно от того, что политический беспорядок с его социальным хаосом никак не влияет на работу его ума, не мешает жить ему творческой жизнью.

"Что за существа люди?" - спрашивал себя Сергей Викентьевич. "Взять тех же любимых мною мурашей. Ведь жизнь муравейника подчинена железной дисциплине. Как мудра природа. А пчёлы? Жизнь пчелиной семьи. Люди же, стоящие непомерно выше на эволюционной лестнице, ведут себя порой безобразно глупо. Быть может, оттого, что звери и насекомые не наделены людскими пороками? Движимые инстинктами, они выполняют данное от природы предназначение, не спрашивая себя зачем.

Потом его мысли вернулись к дому, к жене Элеоноре Витальевне. "Однако пора идти домой. Элечка наверное заждалась меня. Какая она у меня все-таки славная и хорошая". И Сергею Викентьевичу вспомнился тот период его жизни, когда он совсем молодым ухаживал за своей будущей женой. В университете за Элечкой всегда тянулся шлейф поклонников. Была она девушкой симпатичной с немного неправильными, но милыми чертами лица, открытыми серыми глазами, всегда улыбчивая. Сергей Викентьевич влюбился в нее с первой встречи. Его, всегда сосредоточенного только на учебе, поразила любовь. Элечка стала для него всем. Он, не будучи гуманитарием, читал ей стихи, часто собственного сочинения. Стихи эти, далекие от идеальных по

форме, были проникнуты искренним, горячим чувством. В конце концов Велевский тронул сердце молодой девушки: его одного она стала выделять из толпы своих многочисленных поклонников. По окончании университета они поженились. С годами чувства угасли. Им на смену пришло уважение и сознание той степени родства, без которого люди уже не могут жить друг без друга.

Возвращаясь домой, Сергей Викентьевич всячески пытался избежать людского потока, не стать его маленькой частицей. Но, как известно, попадая в людское месиво, человек подчиняется уже каким-то другим законам. Он утрачивает собственное "Я", становится ничтожной частицей толпы. Все мысли теряют свою интеллектуальную окраску, подчиняясь массовому разуму или безумию. Людской водоворот подхватил Сергея Викентьевича, как щепку, и он вынужден был перейти со своего привычного плавного шага на какую-то полудикую рысь. "Господи, да когда же я вырвусь из этого стада?!" - лихорадочно думал Велевский.

Но мало-помалу толпа стала редеть и рассеиваться. Какая-то ее часть отправилась на площадь, которая уже не была столь многолюдна. Похоже, митинговая горячка подходила к концу. Простое любопытство толкнуло Сергея Викентьевича к небольшой группе людей, собравшихся у грузовика неподалёку от площади. Какой-то потертый, заросший по глаза черной, курчавой бородой человек вещал с кузова

грузовика в мегафон об исторической миссии России, о её цивилизационном начале, скрывая за пышной риторикой бессилие мысли. К Велевскому подошел хамоватого вида и явно нетрезвый мужик: "Ну что, очкарик, пришел послушать?" - "А почему собственно вы говорите мне "ты"? Мы разве знакомы? - мягко сказал Сергей Викентьевич в слабой попытке урезонить хама. "Сейчас познакомимся". И с этими словами мужик без замаха, тычком ударил Велевского по лицу. От удара очки слетели, и Сергей Викентьевич наклонился, чтобы их поднять. В это время какой-то молодой подонок быстро подбежал и несколько раз ногой с носка ударил старого человека в живот. Велевский упал. Пожилая женщина, стоявшая неподалеку, истошно закричала: "Милиция!" Прибежавшие милиционеры, ни в чем не разобравшись, принялись нахлестывать дубинками по плечам и гулкой спине упавшего человека. Никогда не знавший, что такое драка, Велевский беспомощными руками пытался защищаться. "За что, за что?! - плакал старый ученый. - "Ведь я никого и пальцем не тронул в этой жизни". Наконец милиционеры прекратили это избиение. Какие-то люди подошли к старику, помогли ему подняться, подали очки и трость. А слезы лились и лились по благородному лицу, застревая в лучах морщин, бисером оседая на седой бороде. На старого плачущего человека смотрело безликое, равнодушно-беспощадное рыло толпы. Только с темнотой добрался Сергей Викентьевич до своего

дома. В дверях его встретила взволнованная Элеонора Витальевна: "Сережа, почему так поздно? Господи, да что с тобой?!" - "Элечка, Элечка, подожди, сейчас", - бормотал Велевский. И он рассказал ей все, что произошло с ним в этот безумный день.

ДМИТРИЙ ИВАНОВ

ПИСАТЕЛЬ

СЕРЫЙ И ДРУГИЕ ВОЛКИ

Михалыч жил в бревенчатой избушке в самой глуши леса. Вот уже более двадцати лет, каждое утро, бесшумно обходя вверенное ему хлопотное хозяйство заповедника, он читал едва заметную книгу лесного бытия, понятную только ему. Четверть века, день за днём он изучал жизнь лесных обитателей и со временем даже сам стал принадлежать к их числу. Небольшое пространство вокруг его избушки зверьё почитало за территорию Большого Бородатого Зверя с Гремящей Палкой и по-своему, по-звериному, отдавая дань уважения, обходило его стороной.

Однако таежная жизнь, вопреки бытующему мнению, вовсе не повлияла на общительный и весёлый характер лесника. Даже напротив: здесь, в лесу открывался у человека удивительный дар совсем нового, неизвестного городскому жителю

способу общения с самой Природой.

- Как ты с лесом, так и лес с тобой, - говорил Михалыч, когда рассказывал ту или иную байку о загадочной таежной стране и ее обитателях. Истории его люди слушали с удовольствием и даже сами просили рассказать что-нибудь этакое. Да и сам лесник во время своих нечастых появлений на селе рад был поболтать с местными, узнать последние новости и слухи.

Веселый, бородатый, с живыми, горящими, будто два ярких уголька, глазами, он мгновенно производил смятение в женских сердцах, поражая своим обаянием в самую душу. Но распугав всех возможных кандидаток перспективой жизни "с волками и медведями по соседству", он так и оставался холостяком, не желая менять просторы лесного края на тесноту мира людей. Видимо, не дано было понять привыкшим к человеческому обществу людям, что там, в глуши заповедника, в самой его сердцевине, шла совсем иная жизнь. Жизнь, которую он знал и которую не променял бы ни на какую другую. В конце концов, сельские красавицы махнули на него рукой, печально соглашаясь с шуткой, сказанной одной из деревенских острячек: "Сколь Михалыча не корми, а все равно в лес смотрит". На том и порешили.

Осень в тот год выдалась холодная и дождливая. Неуемная влага проникала в каждую щепку, в каждый лист в лесу, превращая в кисель всё, до чего только смогла добраться.

Кутаясь в выдавший виды выцветший брезентовый плащ Михалыч шел привычной

дорогой, изредка опираясь на палку, чтобы не упасть на скользкой от мокрой опавшей листвы и грязи тропинке. Мелкая изморось висела в воздухе, смывая границы между землей и небом и превращая весь мир в единую размокшую массу. За большим бурым камнем, стоящим, словно часовой на посту, тропа сворачивала к реке, что текла через лес размеренно и важно, а затем внезапно срывалась в бездну грохочущим водопадом и далее уже бежала, весело прыгая по порогам, словно маленькая девочка на скакалке.

Вот там-то, под водопадом Михалыч и заметил странный силуэт, бесформенным пятном темнеющий на белых прибрежных камнях. Через несколько шагов стало ясно, что силуэт этот принадлежит молодому волку-первогодку. Огромные раны на голове и теле животного ещё продолжали кровоточить, а неестественным образом вывернутая передняя лапа была, по всей видимости, сломана.

- Эх, брат, как тебя... - печально покачал головой Михалыч, осматривая зверя. Зверь приоткрыл веки и взглянул на человека со страхом, недоверием и искренней вселенской болью, не ожидая с его стороны ни помощи, ни сочувствия.

Видимо тот упал со скалы, не удержавшись на скользких камнях. Об этом говорила разбитая голова и сломанная лапа. Но вот другие раны на теле волка заставляли задуматься. Такие нельзя получить при падении. Скорее всего, там, на

вершине скалы произошла битва между двумя хищниками. И вот один в горячке сражения оступился на скользких камнях и теперь лежит здесь, беспомощный, и глядит на мир печальными жёлтыми глазами, полными боли и отчаяния.

Однако в ответ на попытку лесника осмотреть раны, волк предупредительно клацнул зубами, едва дёрнув разбитой головой и собрав для этого последние свои силы.

- Да лежи уж! - ответил на выпад зверя Михалыч, но руку отдернул. - И что же мы с тобой таким делать будем? - спросил он у распростертого на камнях существа, будто ждал ответа. Волк взглянул на человека снизу вверх, будто спрашивая о чем-то, а потом вздохнул тяжело и печально, сознавая горькую свою участь.

Михалыч подобрал две короткие палки, лежавшие тут же, на берегу реки и примотал их к поломанной волчьей лапе кушаком от плаща. Испуганный непонятными действиями человека, хищник попытался рычать и даже снова слабо клацнуть пастью, но получив легкий шлепок по морде, почувствовал силу и успокоился. Сняв с себя брезентовый плащ, лесник осторожно переложил волка на него и осторожно потащил к избушке. Оставить раненое животное тут у водопада он побоялся. Беспомощный, истекающий кровью зверь в любой момент мог стать легкой добычей других хищников.

Дома, положив зверя на стол и предварительно связав ему пасть и лапы, Михалыч достал

хирургический инструмент и принялся зашивать раны на теле волка.

- Ну вот, дорогой, сейчас тебя заштопаем, и будешь как новенький, - приговаривал он ласково, будто бы обессиленный хищник и в самом деле мог понять его. Ловко перехватывая иглу из одного корнцанга в другой, он зашивал рану за раной, а измученный зверь, видимо, чувствуя, что ему не вредят, не сопротивлялся, во всём положившись на свою судьбу.

Закончив работу, Михалыч положил волка у двери, на старой фуфайке, поставив ему перед носом миску с водой.

- Ну, если до утра дотянешь, будешь жить, - ободряюще подмигивая, сказал он волку.

Шло время. Через пару дней волк предпринял попытку встать на лапы. Неловко поджимая перевязанную правую переднюю, на трёх дрожащих он сделал первый шаг по комнате. Затем еще и еще.

- Ну что, как звать-то тебя будем? - спросил Михалыч, глядя на волка. - Давай, будешь Серым? Не возражаешь?

Серый не возражал. Шатко передвигаясь по комнате, он тыкался носом то под стол, то под шкаф, пытаясь понять и запомнить все её запахи. Запомнил он и запах хозяина избушки, издали повернув морду в его сторону и тихонько фыркнув носом.

На следующий день Серый вышел во двор.

- Ого, да на тебе все как на собаке заживает! - поприветствовал волка Михалыч, когда тот

неожиданно появился на крыльце и стоя на трех шатающихся лапах, стал принюхиваться к незнакомому для себя миру. Заметив, как Серый косится на кур, копошащихся в вольере, защищенном от дикого зверья металлической решеткой, лесник нахмурился. - Ну, ты гостигости, но меру знай! - строго сказал он Серому, и тот, кажется, послушался, отведя взгляд в другую сторону.

- На, вон, лопай! - с этими словами лесник швырнул волку несколько рыбёшек, пойманных сегодня утром в реке, что протекала почти у самой его избушки.

Волк испуганно отскочил, затем робко ткнул носом в рыбу и быстро съел все, до последней чешуйки.

- Ну вот, то-то! - усмехнулся Михалыч. - А курей не трогай. Понял?

Прошло дней десять. Серый окреп, раны на его боках и голове затянулись, и повреждённая лапа уже срослась и не нуждалась в повязке. К тому времени он уже узнавал лесника, приветливо, как настоящая собака, виляя хвостом, когда тот приходил из лесу. Иногда Серый даже позволял себя гладить, но не более. В душе он по-прежнему оставался волком. Готовый стать настоящим матёрым лесным хищником, он безудержно рвался в лес. И едва почувствовал в себе прежнюю силу, позволяющую жить самостоятельно, он тут же покинул гостеприимное жилище лесника. Он ушёл тихо, на рассвете. И проснувшийся чуть позднее Михалыч уже не увидел Серого ни в избушке, ни во дворе.

- Ну, будь здоров, не пакости, - тихонько сказал он в сторону леса и махнул рукой на прощание.

С тех пор и начали в лесу появляться следы молодого волка, одна лапа которого оставляла на мягком декабрьском снегу более слабые отметины, чем остальные. И в этих отметинах Михалыч безошибочно угадывал путь Серого. К зиме волк слился со стаей, но порою нет-нет да и пробегал, будто дозором, вокруг избышки Михалыча, вроде как узнать, все ли в порядке.

Прошло полгода. Как-то среди ночи разбудила Михалыча череда выстрелов. Один, второй... Потом ещё раза три. Некоторое время лесник сидел на кровати, вслушиваясь в ночную тишину. Не почудилось ли, не приснилось? Но вот еще два чётких выстрела разрезали ночную тишь леса, а через пару минут с заряженным карабином спешил Михалыч туда, откуда слышались эти звуки.

- Настоящие браконьеры стараются стрелять как можно меньше. Валят добычу с одного - двух выстрелов, - рассуждал лесник. - А тут целая канонада. Должно быть пьяная молодёжь тешится.

Еще издали увидев свет фар, Михалыч замедлил шаг и осторожно стал приближаться к машине браконьеров.

В лучах нескольких фар хромированного кенгурятника, установленного на мощном заграничном внедорожнике, здоровый молодец лет двадцати, ловко орудуя огромными охотничьими ножами, разделывал тушу только

что застреленного лосенка. В нескольких шагах поодаль лежала и сама лосиха, видимо, не представляющая для парня никакого интереса. Других браконьеров поблизости не было видно, и лесник сделал решительный шаг вперед.

- Положите оружие и предъявите документы, - спокойным и железным голосом сказал Михалыч.

- Да ты что, дед, - так же спокойно ответил парень, продолжая как ни в чем ни бывало разделывать тушу.

- Отойти от лосенка и предъявить документы! - повторил Михалыч и кляцнул затвором.

- Ты что так разорался? - продолжая орудовать ножом, ответил парень. - Это что - твои родственники?

Браконьер расхохотался, как ему показалось, удачной шутке, не отходя ни на шаг от убитого лосенка.

Неожиданный тупой удар в висок застал лесника врасплох. Михалыч потерял равновесие и рухнул на землю. Следующий удар пришёлся в грудь. Появившийся из темноты напарник браконьера бил ногой, не жалея и не выбирая места удара. Видимо, из-за яркого света фар кенгурятника, превращающего ночную мглу леса за лучами прожекторов в глухую черную стену, и не заметил лесник второго браконьера. Выбитый из рук карабин лежал шагах в пяти от него, а разгулявшиеся молодчики уже вдвоём ногами избивали Михалыча, не давая ему подняться. В окровавленной руке одного из браконьеров что-то блеснуло.

Но в следующую секунду большая серая молния

пронеслась над телом лесника, и один из нападавших в тот же миг покатылся по земле с жутким криком, прижимая к себе окровавленную руку. Второй нападавший был сбит с ног ударом мощных лап в грудь и лежал неподвижно, боясь пошевелиться. А над ним, демонстрируя острые как кинжал клыки, стоял огромный матёрый волчище.

- Серый! - узнал его Михалыч. И зверь приветливо махнул хвостом, не отводя взгляда от браконьеров.

- Слышь, дед, собаку убери, - взмолился парень, придавленный мощными лапами волка.

- Да нет здесь никаких собак, - спокойно ответил Михалыч, вставая на ноги и поднимая с земли карабин. - А волкам я не командир.

Только сейчас, увидев над собой пару желтых глаз, парень испугался не на шутку. Слабо охнув, услышал он над собой грозное клопочущее волчье урчание, и где-то рядом в темноте ответила протяжным воем волчья стая.

Спокойно осмотрев машину, собрав документы и оружие, Михалыч достал из кармана кусок бинта и, показав его белому как мел браконьеру, всё ещё прижатому к земле волком, положил на капот джипа. - На, перевяжешь товарища.

Затем лесник кивнул волку, как бы зовя его за собой: "Пошли Серый, теперь они нам уже не навредят", повернулся и пошел через лес, в деревню, будить участкового.

Так и шли они рядом. Человек и зверь. Связанные одним миром, одной жизнью.

..А ЗВЕЗДЫ ТАК БЛИЗКО!

Аромат кипарисов и магнолий был таким густым, что казалось, воздух смазан мёдом и его можно есть ложками. Море подпевало в такт шуму листвы, и под пение этого хора погружались в сон маленькие, извилистые улицы курортного города. Только в густом саду разрывалась эта вечерняя тишь или музыкой танцплощадки, или открывал двери в призрачный мир иллюзий большой кинотеатр. Такие кинотеатры, возможно, еще остались где-то как редкость. Но тогда...они стояли в каждом приморском городе. Были они без крыши - только стены, экран и маленькая будка киномеханика. Вмещали они в себя всех желающих, независимо от количества мест. Люди шли со своими стульями, а иногда просто стояли возле стен. Вездесущие мальчишки гроздьями висели на всех ближайших деревьях, откуда был виден хотя бы маленький кусочек экрана.

В детстве Мишка тоже любил лазить по этим деревьям, чтобы посмотреть из густой листвы на удивительные, захватывающие дух миры, возникающие на простом белом экране.

Но детство прошло. За детством пришла юность, встретившая Мишку последним школьным звонком и манящими дверьми авиационного института. А ещё в этой юности появилась она - Ира. Хрупкая девочка из соседнего двора, которую паренёк сперва и не замечал. Ну, жила себе рядом и жила, в своем девичьем мире,

никого не трогая. Только что-то вдруг случилось, и Ирино присутствие стало ощутимо в его, Мишкиной Вселенной.

Пока шла подготовка к экзаменам, парень устроился на работу ночным сторожем в одно Солидное Учреждение. Но по какой-то странной случайности в этом же самом учреждении работала и Ира. Работала она машинисткой, приходила раньше всех, потому каждое Мишкино дежурство заканчивалось ее появлением.

Общение их началось с привычного "здравствуй", становясь с каждым разом все длительнее. И каждый раз Мишка чувствовал, как учащается биение его сердца при стуке Иркиных каблучков, как охватывает его волна радости, едва появляется в дверях ее хрупкая фигурка.

В тот вечер шел известный американский фильм. Такие тогда были в диковинку. Всего один сеанс, и наутро большие алюминиевые коробки с заокеанской мечтой отправятся в далекий Симферополь. Посмотреть такое кино считали своим святым долгом все городские модники и модницы. И как назло, именно на это время и выпадало Мишкино дежурство.

Сменщиком Мишки был дядя Яша. Седой весёлый пенсионер, вечно что-нибудь читающий и всегда готовый поддержать беседу на любую тему.

За пару часов до начала фильма Мишка пришел к дяде Яше какой-то печальный. На все вопросы отвечал коротко, сам в разговор не лез.

- Ты чего такой? - спросил Дядя Яша, пытаюсь

понять причину столь странного Мишкиного настроения.

- Дядя Яша, а ты...тебе вот...да вот мне тут... девушку одну...- парень пытался подобрать слова, но мысли путались, сбивались, и в результате он бросил это занятие, замолчал и, опустив глаза в пол, засопел носом.

- Ты, парень, уж не влюбился ли? - спросил пенсионер, ероша кучерявые волосы на голове мальчугана. Тот отвел глаза и ничего не сказал.

- Ну, понятно, - усмехнулся дядя Яша. - Первое свидание?

На секунду Мишка смутился, не то от такой дядяшиной прозорливости, не то от внезапно открытых его сменщиком волнений, происходящих в Мишкиной, душе.

- Ага, - чуть слышно выдавил из себя пацан и увёл глаза куда-то на потолок, будто скрывая вызванную такой откровенностью бурю эмоций.

- Пригласил бы ее в кино, - усмехнулся дядя Яша.
- Вон, сколько народу идет!

- А как же ты? Сегодня же моя смена, - извиняясь, выдавил Мишка.

- Ничего. Не твоя, моя по графику, - рассмеялся дядя Яша. - Вон, видишь, написано!

Дядя Яша взял карандаш и поверх фамилии Мишки на маленьком клочке бумаги, висевшем на его стене вперемешку с газетными вырезками и журнальными фото, написал свою большим размашистым почерком.

- Дядя Яша, ну ты... Друг! - вскочил Мишка и с жаром принялся трясти руку сменщика.

- Да ты беги, беги, зови ее. А то скоро начало, - ответил дядя Яша и постучал пальцем по стёклышку наручных часов.

Вечером морской воздух, смешиваясь с ароматом южных цветов, кружил голову, почти как молодое вино, которое, едва пригубленное, уже пробуждает фантазию и тянет на мысли о будущем, пробуждает невероятные и, порою, невозможные желания.

Ира пришла в белом, ситцевом платье, с узорами из больших синих цветов. Мишка не знал, как нужно вести себя на первом свидании, и потому, смущаясь, он протянул девушке букет, купленный тут же в парке, в ларьке с надписью "Цветы".

- Вот, это тебе, - сказал он, почему-то опуская глаза.

- Спасибо, - тихо ответила Ира и, осторожно взяв букет, залилась румянцем.

- Я так рад, что ты пришла, - попытался начать разговор Мишка и тут же понял, что сказал какую-то глупость.

- И я очень рада, что ты пригласил меня в кино, - ответила Ира, и разговор как-то сам собой завязался, все больше и больше прогоняя прочь первую робость первого настоящего свидания. Ведь это уже не простые разговорчики при случайной встрече. Ведь это что-то совсем, совсем иное...

Ира и Мишка шли к кинотеатру по широкой парковой аллее, смешиваясь с потоком других зрителей. Белое Ирино платье ярким пятном

вырисовывалось на фоне чернильно-медвяного вечера, и парень то и дело украдкой любовался на прекрасно различимую в темноте фигуру своей девушки, и некая мужская радость и гордость наполняли его сердце.

Летний кинотеатр принял Мишку и Иру в свои объятия, как принимал и прежде тысячи влюбленных. Они сели в самом конце зала, у прохода, и молчали, глядя на пустой белый экран. Разговор прекратился сам собой. Впервые Мишка очутился в такой близости от Иры. Две пары глаз неотрывно делали вид, что следят за сюжетом, но с каждым ударом сердца, расстояние между влюблёнными становилось все меньше и меньше. А когда, будто случайно, их плечи коснулись друг друга, произошло невероятное. Мишка почувствовал это прикосновение. Сердце его забило так сильно, как никогда, наверное, не билось прежде. В голове, что-то будто взорвалось, открывая проход на свободу всем его мыслям. И вот, огромный звездный купол, раскинувшийся над кинотеатром, вывернулся на изнанку, захватывая парня и девушку в свои объятия; стены, зрительный зал с наполнявшими его людьми, экран, будка киномеханика - все растворилось, исчезло в один миг. Один только космос царил вокруг. Но не холодный, не безжизненный и молчаливый. Совсем нет. Мишка и Ира глядели друг на друга изумленными глазами.

- Где мы? - спросила девушка, и Мишка услышал ее голос, вопреки всем законам физики услышал.

- Кажется, это сделал я! - ответил он, глядя вокруг себя.

- Ты? - удивилась Ира.

- Ну, да. Мне так захотелось оказаться с тобой где-нибудь далеко, вдвоем. И вот, кажется, получилось.

Ира засмеялась:

- Да ты волшебник, - в ее глазах вспыхнули две маленькие звездочки, - или я сплю, и это мне снится.

- Но, не может же нам сниться один сон? - возразил Мишка.

- Значит, может, - улыбнулась Ира, - раз мы всё это видим.

- Значит, может, - согласился юноша. - Ну, тогда дай мне руку.

Ира протянула руку Мишке и тут же ощутила тепло его прикосновения. Такое тепло во сне не почувствуешь. Так значит, и Мишка был реальный. Живой. Настоящий.

- Летим со мной! - услышала Ира его голос. И в тот же миг влюбленные рванулись с места и стремительно, с невероятной скоростью, полетели вперед, в неизвестность. Туманности, звезды, галактики проносились мимо, будто разноцветные узоры калейдоскопа.

- Как красиво! - изумилась Ира. - Разве такое возможно!

- Наверное, возможно! - крикнул Мишка. - Летим!

Через мгновение парень и девушка оказались на незнакомой планете. Впереди плескался океан под лазурным небом. На жёлтом прибрежном песке то там, то тут можно было заметить большие, круглые жемчужины, сверкавшие в

свете восходящего солнца торжественным перламутром. Молодой человек поднял одну и протянул девушке.

- На, возьми! - сказал он, улыбаясь.

- Это мне? - удивилась Ира.

- Это все тебе! - воскликнул Мишка. - Весь этот мир.

- Весь мир? - не поняла девушка.

- Да, я создал его для тебя, - рассмеялся парень.

- Ты создал для меня?

- Да!

- А я могу тоже что-нибудь создать? - спросила Ира, слегка наклонив голову и чуть обиженно глядя в глаза Мишке.

- А ты попробуй, - предложил тот.

- Тогда летим! - девушка схватила своего спутника за руку и оттолкнулась от поверхности планеты. И тот час двое влюбленных устремились к новым мирам, несущимся им навстречу.

Запах полыни принес свежий ветер, сильными, но приятными порывами ударявший прямо в лицо, и уже после, за спиной, играющий на звенящих стеблях осоки, как на арфе. Журчание ручья и шелест прозрачных крыльев стрекоз сливались в общую летнюю песню, неторопливо звучащую над лугом.

- А это я сделала для тебя! - Ира улыбнулась и, сорвав несколько цветов, быстро сплела венок для Мишки.

Юноша глядел, как под ловкими девичьими пальцами разрозненные стебельки васильков и ромашек свиваются в один удивительный узор.

Когда девушка одевала ему венок на голову, он перехватил ее руки и заглянул в глаза.

- Это для меня? Правда?

Ира кивнула и отвела взгляд.

- Ну скажи, правда... правда, ты для меня? - не отставал Мишка.

- Для тебя! - тихо повторила Ира и взглянула Мишке в глаза открыто, прямо и как-то легко. И повторила уже более отчетливо:

- Для тебя! Для тебя!

Солнце стояло в зените и палило нещадно. Но первый поцелуй сделал незаметной и эту жару, и само солнце, светившее прямо в глаза. Только оглянувшись вокруг, Мишка и Ира поняли, что мир изменился. Это был странный мир больших цветов, растущих прямо из воды, из огромного озера, а быть может, моря. Другого берега юноша и девушка не видели из-за обилия красных, желтых и синих цветов - до самого горизонта. Высокие горы, виднеющиеся вдали, словно висели в воздухе, покрытые облаками и сизой дымкой. Два солнца, жёлтое и зеленое, раскрашивали небо в разные цвета, от пурпура до нежно-голубого.

- Какой странный мир! - изумилась девушка, глядя на двойные тени от своих рук.

- Быть может, это мы его создали, - предположил Мишка, - когда целовались?

Ира покраснела, на мгновение отвернувшись.

- Подумали о разном, и вот... - продолжал размышлять Мишка.

Ира стояла молча, разглядывая висящие в воздухе горы и цветы, растущие из озера, затем

повернулась и сказала, глядя прямо в глаза Мише:

- Значит, нам надо научиться создавать общий мир.

- Мир, где мы будем вместе, - ответил Мишка и взял Иру за руки.

Едва их губы встретились, небо снова вывернулось наизнанку, висящие горы, и заросли цветов, уходящие до самого горизонта, стали менять цвет и форму, становясь все больше и больше похожими на стены старого кинотеатра. Ещё миг - и влюбленные осознали себя сидящими в креслах зрительного зала. Фильм закончился, и южная ночь проглатывала одного за другим выходящих на улицу зрителей.

- Как странно... - подумал вслух Мишка. - Мы оказались в нашем мире. А какое желание ты загадала? - спросил он Иру, когда они, сливаясь с потоком других зрителей, шли по аллее парка.

- Не скажу, - ответила Ира и надула губки, изображая упрямство с оттенком обиды.

- Почему не скажешь? - обиделся Мишка, клюнув на Ирину удочку.

- Потому что тогда не сбудется, - ответила она и взяла Мишку за руку.

- Тогда и я ничего тебе ни скажу, - пробубнил Мишка и поцеловал Ирку в щеку.

Так они и шли по аллее: вдвоем, держась за руки. Парень с венком из полевых цветов на голове и девушка с огромной жемчужиной в руке. Они шли в свое будущее шаг за шагом, чтобы не расставаться уже никогда.

Людмила ЖУРАВЛЁВА

журналистка

ЛУЧШЕ ПРОСТО ЛЕТАТЬ ВМЕСТЕ

Снятся же людям сны! Хоть научно-фантастические рассказы потом пиши. Кто-то даже эротические сны смотрит... Мне же снятся только кошмары, как я первого сентября опаздываю на торжественную линейку в школу, или не сдала курсовую и меня отчислили из института, или кричу от ужаса, заплутав в нашей коммуналке, которая вдруг становится бесконечным лабиринтом. И ведь как все реально: утром встаю и иду рыться в шкафу, чтобы проверить, правда ли у меня есть диплом. Но однажды мне приснился совсем другой сон. Счастливый. Ощущение счастья было таким безмерным, что я светилась от радости. Мне было так весело и так легко, что я подняла руки и сама поднялась вслед за ними. Я оторвалась от пола да так и зависла в воздухе, наслаждаясь

необыкновенным ощущением.

Помню, как чудесно было проснуться в то утро. Никогда еще я не испытывала такого безбрежного блаженства. Почему мне так хорошо? Сон... Да, сон! Сон ли? Я и сейчас помню до малейшего штриха комнату и то место, над которым воспарила. Сантиметров на шестьдесят от пола? Да, не больше. А интересно, как меняются очертания привычных предметов, когда смотришь на них с другой точки. Почему-то, если влезешь на стул, это не так заметно...

Влезть на стул? Попробую. Вот стул. Вот это место. Влезаю. Ой, как кружится голова! Спрыгиваю, хлопнув в ладоши и крикнув "Ур-ра!". Сотрясение пола от моего приземления весьма ощутимо. Соседи не замедлили постучать по батарее. Они всегда стучат, даже если книжку на пол роняешь. И грохочут куда громче, чем то, что их побеспокоило. Но сейчас мне не до них. Шлёпаясь со стула с таким шумом, понимаешь, что тело твое весит чего-то, и хоть я его и извожу диетами последние полгода, перышком еще не стала. А жаль! Жаль, потому что помню, какой восторг испытала, когда вот так вот развела руки в стороны, закрыла глаза, приподняла подбородок и вдруг ощутила, что поднимаюсь... Наваждение. Нет, надо попробовать.

Стул в сторону. Встаю на то же место. О чем это я? Соседи из головы не идут. Вот ведь достали! Когда орут благим матом друг на дружку, не думают, что кому-то мешают... Нет, голова тяжелая. И в руках эта тяжесть, и в ногах, и в

животе. Нет, не до полетов. Проехали. Сказки все.

День бежал за днем, ночь за ночью. Снов то ли не видела, то ли не запоминала. Так бывает, говорят. Но я думаю, если бы увидела, то хоть что-то бы помнилось после пробуждения. А так - ничегошеньки.

Прошло несколько месяцев. Я влюбилась. Кто он - не знаю. Просто увидела человека в толпе и подумала: "Вот мужчина моей мечты!". И так мне стало хорошо, так радостно. Подойти к нему я не решилась, и человеческий поток разнес нас в разные стороны. А ощущение чего-то необычного, чего-то праздничного осталось. И снова так захотелось развести руки в стороны, словно пытаешься обнять весь мир и сделаться легкой-легкой...

Я улыбалась, пока добиралась до дома на троллейбусе, и охотно подпрыгивала, когда площадка раскачивалась. Через две ступеньки преодолела лестницу, от нетерпения не могла попасть ключом в замочную скважину. Соседка обдала меня презрительным взглядом: ясно, чего подумала. Да пусть. Не до нее. Скинула туфли, бросила у двери пакет с покупками. Вот оно. Толпа, живой поток. И он, незнакомец. Его глаза. Он тоже меня заметил. О, Боже!.. Я почувствовала, что ступни мои не касаются пола. Чуть-чуть, совсем чуть-чуть, на несколько сантиметриков, но я поднялась! О, какое чудо! Изогнув стопу, я нащупала кончиками пальцев шершавую поверхность ковра. Попробовала

оттолкнуться повыше. Не получилось. Вместо этого пятки мои опустились на ковер. Но оно - было!

В следующий раз удалось вызвать у себя "состояние парения" гораздо легче. И поднялась я, как в том сне, почти на полметра. И опять было такое же ощущение безмерного счастья и радости. Я даже подумала, что парить в воздухе - это сродни тому, как кататься на велосипеде: если научился - то навсегда. Не тут-то было. Начался период экспериментов над собой.

Как-то раз я очень вкусненько поела: фасоль в томатном соусе сопровождала сочная сарделька. Запила все бутылочкой пива. Низкокалорийным такой ужин не назовёшь. Да и попивать пивко в одиночестве не делает чести молодой девушке. Думала - все, с таким грузом в желудке не подняться в воздух. Включила любимые "Doors", чтобы соседям не были слышны мои летные упражнения, и... к своему великому удивлению довольно легко оторвалась от пола. Я даже нагнулась и посмотрела себе под ноги. Прикольно! Так весело! И тут некстати вспомнила, как накануне лаялись с соседкой на кухне из-за какой-то ерунды, и - бабах!: поздравляю с приземлением.

Теперь я регулярно проверяла себя. Взлетаю - значит, все правильно, молодец. Мысли чистые, легкие. Летай! Не получается - работай над собой, думай, где плохо поступила, что дурного подумала.

Так хотелось поделиться с кем-нибудь своим

открытием, но я боялась. Боялась, что если скажу кому-нибудь, этот сон наяву растает и даже воспоминания о нем не останутся, улетучится вместе с самим этим чудом. Да и кому рассказать? Соседям? В "дурку" сдадут и с превеликим удовольствием: площадь освободится. Девчонкам с работы? Так засмеют, не поверят... А почему, собственно, нужно говорить? Ведь можно показать, что я умею! Вот просто взять и взлететь! Тычет мне соседка в немытую раковину, а я раз - и под потолок. Она - в обморок. Муж ее вбегает - и тоже - хлоп!.. Нет, не взлечу я при них, не сумею.

Один раз я попыталась летать на улице. Нет, на улице - в смысле "не дома". Но не в городе, на глазах у всех, разумеется. Дело было в парке, на берегу пруда. Солнце пробивалось сквозь листву деревьев. Надо мной стояли клены, у них были густые кроны, и солнечные лучи делали их похожими на мозаичный шатер. Я сорвала с ветки кленовый "носик" и прилепила себе на переносицу. Мы так всегда делали с приятелями в детстве. Стало смешно. Так весело, так радостно, что захотелось обнять эти клены и даже этот пруд, и вообще все!... Наверное, мысленно я это сделала, потому что поймала себя на том, что обхватила руками саму себя и глаза зажмурила от солнца и от охватившего меня восторга. А под собой опять не ощутила земли. Я даже помотала ногами чуть-чуть в воздухе, чтобы убедиться, что я в полете, и туфли сбросила на траву. Попробовала покружиться. Этого я почему-то еще никогда не

делала. Вышло довольно неуклюже даже для первого раза. Глаза пришлось открыть, чтобы убедиться, насколько моя попытка оказалась удачной. И тут я вновь увидела его, того самого человека из толпы. Совсем рядом. То есть совсем-совсем рядом. Он стоял и смеялся. И глядел на меня снизу вверх. Я смутилась и мгновенно свалилась прямо ему в объятия. Он поддержал меня, пригляделся к моему лицу и, сорвав с ветки "носик", прицепил себе на нос. Тут только я вспомнила о своем "украшении". Я сразу же почувствовала огромное доверие к своему незнакомцу. Я ему протянула руки, он взял их в свои снизу на уровне локтя, и... мы поднялись с ним вдвоём! Я так и не знаю, хватило моего счастья, чтобы поднять нас в воздух обоих, или он тоже умел это делать, но все в мире закружилось с нами. Я не стала его спрашивать об этом. Мне по-прежнему кажется, что если заговорить о полетах вслух, что-то нарушится. Лучше просто летать вместе.

2010 г.

РЫЖАЯ

У Сережки было хорошее настроение. Он возвращался с речки, дома его ждало любимое лакомство: малина с молоком. Зная об этом, он ощущал во рту знакомую сладость спелых ягод.

Сережка был человек лет двенадцати с разбитой коленкой. Ее еще саднило. На берегу Сережка гулял один. Свидетелей тому, как стукнулся он о камень, не было. И, хотя ему стало очень больно, он лишь зажал ладошкой свою кровоточащую коленку и не заплакал.

Поэтому был очень горд за себя. Дело в том, что он очень боялся боли. Нет, трусом он ни в коем случае не был. Просто, если кто-нибудь из знакомых мальчишек ранил себе палец перочинным ножиком, Сережка весь сжимался, и палец у него начинал ныть, как будто он сам порезался.

А сейчас он был очень доволен собой. Шел и мурлыкал себе под нос песенку обо всем, что видел вокруг: "Солнце светит. Воробей летит. Это хорошо. Вон собака лежит...".

Сережка еще не понял, что заставило его остановиться. Только почувствовал... Это было знакомо ему. Чувство такое появлялось тогда, когда он начинал ощущать боль за других. Но временами оно приходило само. Это смутное, тяжёлое чувство горя и вины обычно переживает хороший человек, когда он, сам того не желая, становится причиной несчастья или не в силах помешать несправедливости, совершающейся на его глазах...

..В тот раз Сережка не стал причиной никакой беды. Но случай тот вспоминался ему потом часто, хоть и произошел несколько лет назад.

Тогда Сережке мальчишки из пятого-шестого классов казались взрослыми. К ним он испытывал особое уважение. И ему очень хотелось, чтобы они взяли его в игру.

Однажды группа таких мальчишек притащила откуда-то ящик и стала его жечь в яме, на пустыре. Дым был едкий и вонючий. Ребята шумели, и сквозь их крики неясно были различимы какие-то звуки... Несмотря на гадкий запах гари, Сережка крутился возле них. Но его все время отгоняли.

На следующий день во дворе дома никого из мальчишек не было видно. Такое происходило крайне редко. От скуки и необычной тишины Серёжке стало тоскливо. Но вот из подъезда неуверенно вышел соседский Валерик - вчера он был у костра с остальными ребятами. Валерик, наклонив голову, подошел к Сережке и попросил: "Пойдем со мной!". Сережка не спрашивал, куда и зачем: он просто ошалел от радости, что его зовет взрослый мальчишка.

Они пришли на вчерашнее место на пустыре. Валерик молчал. Дружелюбно молчал и Сережка. Он с интересом глянул на кострище... Среди почерневших обугленных досок Сережка увидел мертвую собаку. Морда ее была замотана какой-то истлевшей тряпичей, а впалые бока и хвост сильно опалены огнем. Видно, она задохнулась от дыма, когда была в плену ящика, огня и...

Они сожгли собаку!..

Сережка побледнел и попытался крепко сжать в кулаки вдруг ослабевшие руки. Ему очень захотелось ударить Валерика, но вместо этого он побежал прочь, всхлипывая и ничего не видя перед собой...

"..Вон собака лежит", - повторил Сережка шепотом и подошел к ней. Она лежала на примятой траве под кустом, приподняв покачивающуюся голову. Увидев его, собака не завилала хвостом, не зарычала. Она все также покачивала головой и смотрела в сторону мутными желтыми глазами. Серёжа нерешительно остановился. Ему показалось, что рыжая псина грустно улыбается. Тогда он протянул руку, готовый отдернуть ее сразу же, как появятся белые клыки. Но они не появились.

И тут-то Сережка заметил, что задняя лапа у собаки неестественно откинута в сторону, словно она волочилась вслед за собакой, прежде чем та легла. "Бедная..." - страдательно прошептал Сережка. У рыжей была перебита лапа.

- Ты подожди тут. Я сейчас, - и Сережка, забыв совсем про свою коленку, побежал к дому.

Он стал рыться на полке с книжками, пытаясь найти "Первую помощь четвероногому другу". Но нужный том никак не попадался. Сережка бросился к аптечке. Перевернул все ящички - бинта не было. Времени на размышления у него не осталось. Он прихватил со стола миску с молоком и малиной, приготовленную мамой, когда она уходила на работу, и побежал назад, к собаке. По дороге Сережка мучительно

вспоминал картинки ненайденной "Помощи". Когда-то он смотрел их и жмурил глаза, если попадались иллюстрации к главе "Переломы". На бегу Сережка подобрал подходящую плоскую дощечку, выплеснув при этом из миски добрую половину содержимого. Запыхавшись, подбежал он к тому месту...

- На, Рыжая, ешь! - поставил он миску перед собачьим носом. Сережке показалось, что она ждала его и, увидев, чуть вильнула хвостом. Но от миски Рыжая отвернулась, подняв на мальчишку свои тоскливые глаза. От этого взгляда Сережка вздрогнул.

У него была дощечка - шина, но чем прибинтовать к ней больную лапу, он не знал. Серёжка уже готов был расплакаться от своей беспомощности.

Но тут что-то заставило его оглянуться. Наверху, на дороге, стояли два малыша. То есть они были уже второклассниками, но в этот момент Сережка вдруг почувствовал себя очень взрослым и сильным. Он серьезно обратился к ним:

- Далеко живете?

Те помотали головами: близко.

- Тогда бегом домой. Тащите сюда бинт.

Ребятишки словно только того и ждали: враз исчезли. Но через несколько минут возникли снова: бинт был добыт. Теперь они снова притихли и смотрели то на рыжую собаку, то на Серёжку. Он им казался всемогущим, они были готовы выполнить любой его приказ.

А Сережка боролся с собой. Он хотел облегчить

измученной собаке боль, но руки у него предательски дрожали, в глазах прыгали какие-то мушки. Сережка весь вспотел от напряжения. Никогда и ничего он еще не делал так сосредоточенно. Медленно, очень медленно взял он сломанную лапу в руки, выровнял ее, и тихо, но довольно туго стянул бинтом. Собака судорожно дернулась. У Сережки кровь отлила от лица.

- Прости, Рыжая. Потерпи немного, - шептал он еле слышно, успокаивая самого себя...

Все так же медленно и осторожно приложил Сережка шину. Малыши поддерживали собаке голову. Они и не догадывались, что "Айболит" стиснул зубы, чтобы они не стучали, и изо всех сил старается, чтобы не так дрожали руки.

Но вот он вздохнул облегченно. И ребяташки, такие строгие и серьезные все это время, вдруг засмеялись. Сережка бережно поднял дрожащее рыжее тело на руки. Мальчишки предусмотрительно поддерживали тяжелую голову собаки на ослабевшей шее. Серёжка улыбнулся не то сам себе, не то своим помощникам, а может, просто так, никому.

- А теперь пошли домой. Приходите завтра ко мне. Мы с Рыжей будем вас ждать.

И, хотя говорил это Сережка, ребята откликнулись не ему:

- Конечно, Рыжая, обязательно придем. Ты только поправляйся.

Сережка опять улыбнулся чему-то совсем повзрослому и повернул к дому.

1985 г.

СВЕТЛАНА ГОРИНА

**журналистка,
выпускница
филологического
факультета**

"ФЕДРА"

В офисе было пусто: все разошлись по домам. Выключив компьютер, я задумчиво смотрел в озоновую дыру - мертвую пустоту монитора. На улице шел дождь, и страшно не хотелось выходить из теплого уютного кабинета в холод и сырость. Почему-то вспомнилась деревня, где в детстве я проводил лето, старая церковь и колокольня у леса (по слухам, там жило приведение).

Мне кажется, в жизни я упустил какую-то важную мысль. Я чувствую - она пульсирует совсем рядом, дразнит меня, но - увы! - ускользает. Например, так происходит, когда я слушаю Паганини. Однажды, пока жены не было дома, я прослушал диск восемь раз. И как будто даже что-то мелькнуло, но ненужные детали заслонили собой главное, и нахлынувшие воспоминания ушли песком сквозь пальцы, унеся с собой золотую крупицу.

А ведь тогда Паганини звучал постоянно, я почти наизусть знал "24 каприза для скрипки". Лето было теплым, солнечным. Я вставал рано и бежал в сад рисовать. Когда просыпались остальные члены семьи, включал Паганини, и под нежные переливы скрипки рождались фантастические образы.

Рисование было смыслом моей жизни. Учителя в один голос говорили, что у меня талант от природы. Карандаш безукоризненно слушался меня, словно был частью моей руки, и отразить на бумаге окружающий мир мне было так же легко и естественно, как дышать. Разумеется, у родителей не возникало вопроса, чем я буду заниматься после окончания школы. И я терпеливо ждал, когда можно будет, ни на что больше не отвлекаясь, отдаться своей страсти.

В то лето в нашей семье случилось важное событие - женился мой старший брат. После свадьбы молодые приехали к нам погостить. Жена брата, узнав о моем таланте, пожелала, чтобы я нарисовал ее портрет. Она была красивой женщиной, старше меня на десять лет. Стройная, гибкая, как ива. Водопад русых волос, молочно-белая кожа, синие русалочьи глаза.

Начитавшись Расина, я решил нарисовать Федру. Она распустила волосы, надела красное платье, напоминавшее тунику. Но странное дело: портрет НЕ ПИСАЛСЯ. Все выходило плоско и безжизненно. Я не мог поймать нужное выражение лица, грамотно распределить свет и тень.

Мне не нравилась ее улыбка, неуловимая и манящая. словно я о чем-то должен был догадаться. И когда я рисовал, то думал не о портрете, а об этой дразнящей улыбке, снова и снова пытаюсь повторить ее на бумаге.

В этой женщине была скрыта какая-то магия. Я стал рассеянным, взвинченным. Не отвечал на вопросы, плохо спал. В конце концов, я стал ее почти ненавидеть. И с мрачным упорством мучил несчастный портрет, стоивший мне невероятных усилий.

Думаю, она обо всем догадалась. Ее забавляли мои перепады настроения: от бурного веселья до угрюмого молчания. Но это нисколько не обижало ее. Напротив, красавица выглядела довольной и счастливой, что мало гармонировало с отчаянной страстью Федры.

- Сделай серьезное лицо! - сердился я.
- Я стараюсь, - послушно ответила Федра.
- И перестань улыбаться!
- Разве я улыбаюсь?

Правда, лицо ее было спокойным, но в уголках губ дрожала эта неуловимая дразнящая полуулыбка Джоконды. Я бросил кисть и заявил, что на сегодня сеанс окончен, художник устал. Она присела рядом со мной. В ее фигуре было что-то кошачье, длинные тонкие пальцы, на одном из которых блестело обручальное кольцо, небрежно поигрывали концом шелкового шарфа. Я сунул руки в карманы и изо всех сил старался не обращать на нее внимания.

- Кто твой любимый художник?

- Да Винчи, - зевая, ответил я.

- Да? А почему да Винчи? - удивилась она, изогнув брови.

- Ну..я ему сочувствую, - заявил я. - Если бы он (теоретически!) дожил до наших дней, он был бы очень несчастлив. Ведь у него два раза (!) украли любимую картину. Представляешь, какая это трагедия для мастера? Украли нечто родное, сокровенное, во что всю душу вложил...Это низко! Если бы да Винчи узнал... он не смог бы этого пережить!

На щеках у меня разгорелся пожар, я говорил быстро и страстно. Конечно же, она ничего не поняла, и зря я тут разоткровенничался...

- "И ты Джоконда, которую нужно украсть..." - прошептала она.

Она поняла. Я посмотрел на нее: она не смеялась. Мелькнула мысль: "Хорошо, что мою картину никто не украдет...". Да, она все поняла. Ее красивая рука легко коснулась моей щеки. По телу пробежал электрический разряд.

Разговор разбудил во мне какие-то странные чувства. Весь день я не находил себе места. Родители не понимали моего состояния и приставали со всякой ерундой. Я сбежал от них в поле. Там, на свободе, у меня будто выросли крылья. Передо мной расстилалось безбрежное золотистое море. От ветерка пробегала лёгкая рябь, я дельфином нырял в золотых волнах. Колосья щекотали тело, касались волос. В ушах свистел ветер, и я тонул в пряном волшебном аромате трав и земли. Я засмеялся, сам не зная

чему, лег на спину; над головой кружилось синее летнее небо.

Домой я вернулся взволнованный, но почти счастливый. Наступили сумерки, в окнах горел свет. У калитки меня встретил старший брат и велел идти ужинать. Он курил, и от него неприятно пахло табаком. Впервые я почувствовал к нему неприязнь. Я молча повернулся и ушел.

Хотелось испытать сосущее чувство опасности, риска. Я слонялся по деревне, провоцируя лай собак. Вскоре я оказался на окраине, рядом с темной церковью и колокольней. Я окинул ее оценивающим взглядом - высокая. Что, если попробовать? Видимо, хотелось пощекотать нервы. Я поднялся на один пролет. Вокруг - только чернильная тьма. Внизу обнадёживали огни деревни.

Я медленно шел по лестнице, ошупью искал дорогу, словно мне завязали глаза ее шелковым шарфом. Иногда в душу закрадывался страх. Я смотрел на далекие светящиеся точки и понемногу успокаивался. Что-то скрипнуло. Я вздрогнул, прислушался. Кто-то поднимается за мной по лестнице. Останавливаюсь я - останавливается и он. "Ерунда! Я здесь один!" - сердился я на себя. - Это ветер и мое воображение".

Добравшись до верха, я огляделся. Огромные тёмные колокола будто нависали над пропастью. Я решил к ним подойти. Медленно повернулся - на меня смотрели два сверкающих желтых глаза. Два фонаря, рассеивающих тьму. Я хотел

закричать, но голос пропал. Они смотрели прямо на меня и словно вытягивали душу. Во мне все исчезло, осталась лишь белесая вязкая пустота. Как во сне я опустился на пол, и меня накрыло тёмной волной.

Я очнулся в своей комнате. У меня было сильное нервное истощение. Постепенно вернулось ощущение реальности, но в окружающем мире или во мне что-то изменилось.

Позже я узнал, что в тот вечер брат нашёл меня на колокольне без сознания. Вокруг царилась кромешная тьма, а в углу сидел и вздыхал филин.

Через несколько дней я уже мог выйти в сад. Там под навесом стоял мольберт с моей Федрой. Я долго смотрел на картину. Странно - она больше не вызвала во мне томительного, сладкого волнения. Осталась лишь легкая грусть.

Я не сразу понял, что больше не могу рисовать. Карандаш стал чужим, Линии утратили свою естественную плавность. А главное - не было образа, идеи. В голове было пусто, как в высохшем колодце. Той ночью филин забрал у меня что-то важное. Во мне что-то сломалось, порвалась тонкая струна.

Я вел себя как обычно, но иногда ловил себя на мысли, что ничего не чувствую. Душа словно покрылась тонкой корочкой льда.

Как ни странно, я без всякого страха смотрел на старую колокольню; даже подумал, не залезть ли мне еще раз, может, пойму, что со мной тогда произошло. Но по зрелым размышлениям отказался от этой затеи.

После окончания школы я поступил на факультет физики и математики. Ни разу не возникало желание вернуться к живописи. Папки с рисунками пылились на чердаке в деревне. Но "Федра" переехала со мной в городскую квартиру. Я храню ее в сейфе вместе с важными документами. Жена хотела повесить картину на стену, но я был против. Не хочу смотреть на нее постоянно. У меня хорошая работа, любящая жена, размеренная нормальная жизнь, как у всех. А эта мерцающая полуулыбка тревожит воображение, манит в опасные дали. Может причинить боль. А я не хочу больше такой боли. Иногда даже не верится, что много лет назад я мог так рисовать.

МАРИНА АНДРЮЩЕНКО

**СТУДЕНТКА ФАКУЛЬТЕТА
ЛИНГВИСТИКИ И
МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

ОБЕЗЬЯНЬЯ ЛАПКА

(рассказ Уильяма Уайтмарка
Джейкобса, перевод с английского)

За окном стояла холодная, дождливая ночь, но за плотно задернутыми занавесями в маленькой гостиной виллы Лейкснем ярко горел камин. Отец и сын разыгрывали партию в шахматы. Последний, приверженец идеи непредсказуемой игры, как раз подвергнул своего короля столь явному, излишнему риску, что это вызвало восклицание у седовласой пожилой женщины, мирно вязавшей у камина:

- Послушай только, какой ветер! - сказал мистер Уайт, загоревшийся самым дружественным желанием не дать сыну заметить фатальную ошибку, раз уж сам увидел ее слишком поздно.

- Да, я слышу, - ответил сын, окинув шахматную доску решительным взглядом и сделав ход. - Шах!

- Не думаю, что он придет сегодня, - заметил отец. Рука его застыла недвижимо над доской.

- Мат! - ответил сын.

- Самое отвратительное, - это когда живешь в такой глуши, - прорычал мистер Уайт с внезапной злостью. - Из всех гадких, грязных, Богом забытых мест это - самое ужасное. Тропинки - сплошное болото, дороги дождями размыты. Не знаю, о чем только люди думают. Видно, они считают, раз только два дома в округе жилые, то об их существовании можно и забыть!

- Не волнуйся так, дорогой, ты наверняка выиграешь в следующий раз, - успокаивающе сказала его жена.

Тут Мистер Уайт, подняв глаза, перехватил понимающий взгляд, которым обменялись жена и сын. Слова замерли на его губах, а в тонкой седой бородке затерялась виноватая улыбка.

- А вот и он, - заметил молодой Герберт Уайт, услышав громкий стук калитки и приближающиеся к дверям тяжелые шаги.

Пожилой мужчина с поспешностью гостеприимного хозяина вскочил и открыл дверь. Было слышно, как он обменивался с гостем словами сочувствия. "Вот еще..." - пробормотала миссис Уайт и легонько кашлянула, так как в этот момент ее муж вернулся в гостиную в сопровождении высокого дородного мужчины с глазами-бусинами и румяным лицом.

- Сержант-майор Моррис, - представил гостя мистер Уайт.

Сержант-майор пожал хозяевам руки и, заняв предложенное кресло у камина, с довольным видом наблюдал, как хозяин выставляет бутылку виски и бокалы и ставит маленький медный чайник на огонь.

После третьего бокала глаза отставного военного заблестели, и он разговорился. Тесный круг семьи отнесся с живым интересом к этому гостю из далеких краев, когда он, растянувшись в своем кресле, заговорил о странных явлениях и отважных подвигах, о войнах, эпидемиях и необычных личностях...

- И так двадцать один год, - сказал мистер Уайт, кивнув жене и сыну. - Когда он уехал, был неопытным юнцом на пакгаузе. Глядите, каким теперь стал.

- По виду и не скажешь, что столько всего испытать довелось, - вежливо заметила миссис Уайт.

- Мне бы и самому хотелось бы Индию посетить, - сказал хозяин. - Повидать хоть кусочек этого мира.

- Уж лучше оставайтесь, где есть, - покачал головой сержант-майор. Он опустил пустой бокал и, вздохнув тихонько, качнул головой еще раз.

- Хотелось бы мне увидеть все эти древние крепости, и факиров, и фокусников, - продолжил хозяин. - Что там вы тогда начали нам рассказывать об обезьяньей лапке, а, Моррис?

- Ничего, - поспешно ответил солдат. - По меньшей мере, уж точно ничего особо интересного.

- Обезьянья лапка? - переспросила миссис Уайт с любопытством.

- Ну, это нечто такое, что вы могли бы назвать колдовской штучкой, - небрежно бросил сержант-майор.

Трое его слушателей наклонились вперед заинтересованно. Гость в рассеянности поднес пустой бокал к губам и вновь опустил его. Хозяин наполнил его бокал вновь.

- По виду ее ничего такого не скажешь, - сказал сержант-майор, роясь в кармане, - всего лишь простая маленькая высушенная лапка.

Он вытащил нечто из кармана и протянул к слушателям. Миссис Уайт отшатнулась с искаженным гримасой лицом, однако ее сын взял лапку в руки и тщательно рассмотрел ее.

- И что же в ней такого особенного? - спросил мистер Уайт, взяв лапку из рук сына. Осмотрев ее со всех сторон, он положил вещицу на стол.

- На эту лапку один старик-факир наложил проклятие, - сказал сержант-майор. - Он был необыкновенно праведным человеком, и вот однажды захотелось ему показать людям, что человеческой жизнью правит судьба, и тот, кто попытается перечить ей, пожалеет об этом. Он наложил чары так, что три разных человека могут загадать с помощью этой лапки по три желания.

Гость говорил так торжественно, что слушатели его ощутили вдруг, как неуместно прозвучал сейчас их легкий смех.

- Так почему же вы, сэр, не загадали троечку?
- поддел его Герберт Уайт.

Солдат смерил его тем взглядом, которым люди его возраста обычно достаивают самонадеянных молодчиков.

- Я загадал, - ответил он тихо, и его покрывшееся пятнами лицо побелело.

- И все они действительно исполнились? - спросила миссис Уайт.

- Да, - ответил сержант-майор. Бокал едва слышно постукивал о его зубы.

- А кто-нибудь еще загадывал? - поинтересовалась пожилая леди.

- Да, был один до меня, - последовал ответ. - Не знаю, какими были первые два желания, но третье привело его к гибели. Именно так ко мне попала эта лапка.

Голос его звучал столь сумрачно, что в гостиной вдруг повисла тишина.

- Сами вы тоже загадали три желания, и лапка вам уже ни к чему, Моррис, - промолвил наконец пожилой хозяин. - К чему вы ее у себя держите?

Солдат покачал головой:

- И сам толком не знаю, - медленно проговорил он. - У меня была мысль продать ее, но не думаю, что так и сделаю. Она принесла уже достаточно горя. К тому же, ее вряд ли купят. Люди подумают, что все это сказки, а кто и поверит, тот скорее попытается сперва испробовать ее, а потом уже мне заплатить.

- Если бы вы могли загадать иные три желания, воспользовались бы вы лапкой еще раз? - спросил хозяин, пытливо глядя на гостя.

- Я не знаю, - ответил тот, - не знаю...

Солдат взял лапку двумя пальцами и принялся вращать ее, как вдруг лапка выскользнула из его руки и упала прямо в огонь. Уайт негромко вскрикнул, вмиг наклонился и выхватил лапку из камина.

- Лучше оставьте ее гореть в огне, - мрачно промолвил гость.

- Если она вам не нужна, Моррис, отдайте ее мне, - обратился к нему пожилой мужчина.

- Нет, - упрямо возразил его друг. - Я сам сейчас бросил ее в огонь. Если возьмете ее, не вините потом меня за то, что произойдет. Будьте благоразумны, уж лучше бросьте ее обратно в огонь.

Хозяин покачал головой, пристально разглядывая свое приобретение.

- Как вы это делали? - спросил он.

- Сожмите лапку в правой руке, поднимите ее и произнесите вслух желание, - ответил сержант-майор. - Только предупреждаю: помните о последствиях.

- Совсем как в сказках "Тысячи и одной ночи", - сказала миссис Уайт, поднявшись и принявшись убирать со стола. - Тебе не кажется, что ты мог бы пожелать для меня еще одну пару рук?

Ее муж вытащил было лапку из кармана, как тут вдруг все трое разразились безудержным смехом: сержант-майор в крайнем смятении вцепился в руку друга.

- Если так хотите загадать желание, - выдавил он, - загадайте хоть что-то целесообразное.

Мистер Уайт бросил лапку обратно в карман и,

расставив стулья, пригласил жестом гостя к столу. За ужином о лапке как-то не вспоминалось, после него же хозяева приготовились зачарованно внимать продолжению рассказа солдата о его приключениях в Индии.

- Если в этой истории не больше правды, чем в прочих его повествованиях, немного же мы получим от этой обезьяньей лапки, - сказал Герберт, когда за гостем, ушедшим как раз вовремя, чтобы успеть на последний поезд, закрылась дверь.

- Дорогой, ты что-то отдал ему взамен? - спросила вдруг миссис Уайт, пристально глядя на мужа.

- Так, мелочи, - ответил тот, слегка покраснев. - Брать не хотел, но я его уговорил. И он вновь пытался убедить меня выбросить лапку.

- Многообещающе, - протянул Герберт с деланным ужасом. - Ну как же иначе-то, ведь мы будем богаты, знамениты, счастливы! Пожелай для начала стать императором, и, отец, под каблуком матери уж точно не останешься.

Он тут же отскочил за стол, спасаясь от вооружившейся скатертью, оклеветанной миссис Уайт.

Мистер Уайт, вытащив лапку из кармана, поглядел на нее с сомнением:

- Я не знаю, что пожелать, вот в чем дело-то, - протянул он. - Кажется, я уже получил все, о чем только мог мечтать.

- Если бы ты еще выкупил закладную на дом, ты был бы совершенно счастлив, верно? - спросил

Герберт, положив руку на плечо отца. - Что ж, пожелай тогда двести фунтов, этого будет достаточно.

Мистер Уайт, улыбаясь так, словно сам устыдился своему легковерию, сжал лапку в руке. Его сын с торжественной миной (несколько подпорченной подмигиванием матери) сел за фортепиано и взял несколько мощных аккордов.

- Я хочу получить двести фунтов, - отчетливо произнес пожилой хозяин.

Блестящий фортепианный аккорд саккомпанировал его словам, оборвавшись вдруг его нервным вскриком.

Жена и сын тут же бросились к нему.

- Она шевельнулась! - вырвалось у мистера Уайта, с омерзением уставившегося на лежащую на полу лапку. - Когда я загадывал желание, она извивалась в моей руке, как змея!

- Но я что-то не вижу денег, - сказал сын, подняв лапку и положив ее на стол, - и бьюсь об заклад, и не увижу.

- Тебе, должно быть, почудилось, - сказала жена, глядя на мужа с тревогой.

Он покачал головой:

- Не важно, ничего страшного не произошло. Просто меня это несколько потрясло.

Они вновь сели у камина. Мужчины докуривали трубки. За окном пуше прежнего свирепствовал ветер. Мистер Уайт нервно вздрагивал всякий раз, когда наверху хлопала дверь. Непривычная, напряженная тишина воцарилась в комнате. Нарушена она была лишь тогда, когда супруги собрались подняться наверх.

- Думаю, вы найдете деньги в большом мешке прямо посреди своей кровати, - сказал Герберт, пожелав родителям спокойной ночи, - а тем временем нечто ужасное, притаившееся на шкафу, будет смотреть, как вы прикарманиваете нечестно нажитые денежки.

За завтраком, купаясь в лучах утреннего зимнего солнца, Герберт посмеялся над своими страхами. словно в контраст прошедшей ночи, комната дышала прозаичным здравомыслием, и грязная съезжившаяся лапка была заброшена на сервант с беспечностью, указывающей на полнейшее неверие в ее магические силы.

- Думаю, все эти старые солдаты одинаковы, - сказала миссис Уайт. - Подумать только, что мы сидели и слушали такие небылицы! Как в наши-то дни загаданные желания могут взять и исполниться? И даже если могут, чем тебе, дорогой, повредят какие-нибудь двести фунтов?

- Они могут обрушиться с неба на его голову, - весело ответил Герберт.

- Моррис сказал, что все происходит само собой, так что, при желании, можно приписать случившееся совпадению, - заметил отец.

- Только смотри, не трать деньги в мое отсутствие, - предупредил его Герберт, поднимаясь из-за стола, - а то превратишься в скарредного скупца, и нам придется от тебя отречься.

Миссис Уайт рассмеялась, провела сына до двери и долго еще смотрела, как он идет вниз по улице. Затем, вернувшись к столу, вдоволь

навеселилась над легковерием своего супруга. Что, впрочем, никак не повлияло на то, как поспешно она бросилась к двери на стук почтальона и как обмолвилась добрым словом о пристрастии отставного сержанта-майора к выпивке.

- Герберт, как вернется, еще сделает ремарку-другую в своем юмористическом стиле, - заявила она за обедом.

- Полагаю, да, - ответил мистер Уайт, наливая себе немножко пива, - но что бы там ни было, а эта вещичка и впрямь шевельнулась в моей руке, готов голову на отсечение дать.

- Ты думаешь, что она шевельнулась... - успокаивающе пробормотала пожилая леди.

- Я знаю, что она шевельнулась, - возразил ее муж, - и ни о чем я не думал, просто... что случилось?

Жена ничего не ответила. Она наблюдала за странным поведением какого-то прохожего, который нерешительно разглядывал дом и, казалось, пытался собрать все свое мужество, чтобы войти. Вспомнив о двух сотнях фунтов, миссис Уайт отметила элегантный наряд незнакомца и его сверкающий новенький цилиндр. Трижды останавливался он у калитки и вновь порывался войти. На четвертый раз его рука застыла на калитке, затем он с внезапной решимостью распахнул ее и направился по тропинке к дому. Миссис Уайт поспешно развязала тесемку своего передника, сняла его и засунула это практичное одеяние под диванную подушку.

Она сопровождала смущенного гостя в гостиную. Незнакомец украдкой поглядывал на миссис Уайт, рассеянно слушая, как она приносит извинения за внешний вид комнаты и пиджака ее супруга, который он обычно надевал для работы в саду. Затем она замолчала, со всем мыслимым и немыслимым для женщины терпением дожидаясь, пока вошедший заговорит. В гостиной ненадолго повисла странная тишина.

- Я... меня попросили прийти, - сказал гость наконец. Он вытащил из кармана брюк маленький сверток ткани. - Я из "Мо и Мэггинс".

Пожилая леди вскочила со стула:

- Что-то случилось? - выдохнула она. - Что-то с Гербертом? Что с ним? Что с ним?!

- Тише, тише, успокойся, - поспешно вмешался ее муж, - присядь и не делай поспешных выводов. Я уверен, сэр, вы ведь не с плохими вестями пришли... - он с отчаянной надеждой всматривался в лицо гостя.

- Мне очень жаль... - начал тот.

- Он ранен? - требовательно спросила миссис Уайт.

Гость склонил голову:

- Серьезно ранен, - ответил он мягко, - но уже избавлен от боли.

- Ох, слава Богу, слава Богу! - воскликнула пожилая леди, захлопав в ладоши, - слава...

Она внезапно осеклась. Зловещий смысл сказанного стал ей ясен, и она прочитала ужасное подтверждение своим страхам в нежелании гостя взглянуть ей в глаза. Миссис Уайт перевела

дыхание и, повернувшись к медленнее соображавшему супругу, положила дрожащую морщинистую руку на его ладонь.

Длительную тишину нарушил гость, медленно и тихо произнесший:

- Он пострадал во время работы с одним из механизмов.

- С одним... из... механизмов... - как замороженный, повторил мистер Уайт, оцепенело глядя в окно. Он сидел, сжав руку жены в своих руках так, как бывало в часы их встреч сорок лет назад.

- Он - все, что у нас было, - сказал мистер Уайт наконец, повернув голову в сторону гостя. - Тяжело...

Гость откашлялся, встал и медленно направился к окну:

- Руководство фирмы попросило меня выразить искренние соболезнования вашему тяжкому горю, - сказал он, не глядя на хозяев. - Прошу вас понять, что я простой служащий и только лишь исполняю приказы.

Ответа не последовало. Лицо пожилой женщины было бледным, глаза - широко раскрыты, дыхание - едва ощутимо. У ее мужа был такой вид, с каким его друг сержант-майор, вероятно, мог идти в свой первый бой.

- Я хотел сказать, что фирма "Мо и Мэггинс" снимает с себя всякую ответственность, - продолжил гость. - Она не признает за собой никаких обязательств, однако, принимая во внимание заслуги вашего сына, решено было дать

вам некоторую сумму денег в качестве компенсации...

Мистер Уайт выпустил руку жены из своих пальцев и, поднявшись, посмотрел на гостя преисполненным ужаса взглядом. Пересохшими губами он произнес:

- Сколько?

- Двести фунтов, - был ответ.

Уже не слыша пронзительный вопль своей жены, пожилой хозяин слабо улыбнулся, вытянул вперед руки, словно слепой, и упал ничком оземь, без чувств.

Пожилые родители, похоронив сына на просторном новом кладбище в двух милях от дома, вернулись в свое жилище, погрузившееся в сумрачную тишину. Все случилось так быстро, что поначалу они едва могли осознать произошедшее. Состояние ожидания чего-то еще, чего-то, что могло бы облегчить эту слишком тяжкую для изношенных сердец ношу, не покидало их. Но шли дни, и ожидание уступило место покорности - безнадежной покорности возраста, иногда ошибочно именуемой апатией. Порой они едва ли обменивались словом, ведь отныне не о чем им было беседовать, и дни их тянулись утомительно долго.

Около недели спустя мистер Уайт проснулся внезапно среди ночи. Он вытянул руку в сторону - жены рядом не было. От окна утопающей во тьме комнаты доносились приглушенные всхлипывания. Он приподнялся в постели и прислушался.

- Иди сюда, - позвал он ласково, - ты замерзнешь.

- Моему сыну сейчас холоднее, чем мне, - ответила пожилая леди, вновь расплакавшись.

Звук ее рыданий медленно угасал в его сознании. В постели было тепло, веки его отяжелели, он задремал, а затем крепко уснул. Его сон резко оборвал нечеловеческий вопль жены.

- Обезьянья лапка! Обезьянья лапка! - дико вскричала она.

Он резко сел в постели, испуганный.

- Где? Что?.. Что случилось?

Жена, спотыкаясь, подошла к нему.

- Она нужна мне, - тихо произнесла пожилая леди. - Ты же не уничтожил ее?

- Она на полочке в гостиной, - удивленно ответил мистер Уайт. - Зачем?..

Смеясь и плача, жена склонилась над ним и поцеловала его в щеку.

- Мне просто только что пришло в голову, - возбужденно проговорила она, - и почему я раньше об этом не подумала? Почему ты об этом не подумал?

- Подумал - о чем? - спросил он.

- О двух оставшихся желаниях, - выпалила миссис Уайт. - Мы только одно загадали.

- И тебе этого недостаточно? - спросил он гневно.

- Недостаточно! - вскричала она ликующе. - Мы загадаем еще одно! Спустись вниз и сейчас же принеси ее. Ты загадаешь, чтобы наш мальчик вернулся к жизни.

Мужчина скинул покрывало с задрожавших ног:

- Господи, да ты сошла с ума! - воскликнул он с ужасом.

- Принеси ее! - выпалила она, задыхаясь. - Неси скорее, и пожелай... О, мой мальчик, сын мой!

Мистер Уайт чиркнул спичкой и зажег свечу.

- Возвращайся в постель, - произнес он нетвердым голосом, - ты не знаешь, что говоришь.

- Наше первое желание сбылось, - лихорадочно сказала жена, - почему бы не сбыться второму?

- Совпадение... - пробормотал он, запинаясь.

- Иди, и принеси ее, и загадай желание! - вскричала миссис Уайт, выталкивая мужа за дверь.

Он спустился на ощупь по темной лестнице и прошел через гостиную к каминной полочке. Лапка лежала на прежнем месте. Но едва он подумал, что его изуродованный сын предстанет перед ним прежде, чем он выйдет из гостиной, как его охватил вдруг невыносимый ужас, и он замер, едва дыша, так как не понимал теперь, где находится дверь. На лбу его выступил холодный пот, он на ощупь нашел стол, обошел его и, цепляясь за стену, выбрался в галерею, по-прежнему сжимая злобещий талисман в руке.

Даже лицо его жены, казалось, исказилось, когда он вошел в комнату. Оно было бледным, с выжидающим и, к ужасу его, совершенно противоестественным выражением, таким, что он испугался за нее.

- Загадывай! - пронзительно вскричала его жена.

- Это глупо и грешно, - запинаясь, проговорил

мистер Уайт.

- Загадывай! - повторила она.

Он поднял руку:

- Я хочу, чтобы мой сын был снова жив.

Лапка упала на пол. Мистер Уайт замер, с содроганием глядя на нее, затем упал в кресло без сил. Тем временем пожилая леди с горящими глазами подошла к окну и подняла занавеси.

Мистер Уайт так и остался сидеть в кресле, несмотря на то, что уже продрог до костей. Время от времени он поглядывал на силуэт пожилой женщины, всматривающейся во тьму за окном. Огарок свечи, догоревшей почти до самого ободка фарфорового подсвечника, отбрасывал дрожащие тени на стены и потолок комнаты. Внезапно пламя вспыхнуло ярче прежнего - и погасло. Пожилой мужчина, с каким-то непередаваемым ощущением облегчения оттого, что талисман себя не оправдал, поковылял обратно к кровати. Через минуту или две миссис Уайт тихо и с безучастным ко всему видом присоединилась к нему.

Никто из них не произнес и слова - оба молча легли спать, слушая тиканье часов. Поскрипывала лестница, шумно скреблась у стены пискливая мышь. Тьма угнетала, и, набравшись, наконец, храбрости, мистер Уайт встал, взял коробок спичек, зажег одну и спустился вниз за свечой.

У подножия лестницы спичка погасла. Он остановился, чтобы зажечь вторую, и в этот миг слышался осторожный стук в дверь, такой тихий, что его едва можно было уловить.

Спички выпали из его рук. Он замер, затаив дыхание. Стук повторился. Тогда он резко развернулся и поспешно укрылся в спальне, заперев за собой дверь. В третий раз по дому раскатились удары в дверь.

- Что это?! - вскричала пожилая леди, приподнявшись в постели.

- Крыса, - ответил ее муж дрожащим голосом, - это крыса. Пробежала мимо меня по лестнице.

Его жена уже сидела на кровати, прислушиваясь. Громкий стук отдавался эхом в доме.

- Это Герберт! - вскричала она. - Герберт!

Женщина метнулась было к двери, но мистер Уайт обогнал ее и, перехватив за руку, крепко обнял, удерживая.

- Что ты собираешься делать? - прошептал он хрипло.

- Это мой мальчик, это Герберт! - восклицала она, машинально пытаясь вырваться. - Я совсем забыла, что наш дом в двух милях от кладбища. Зачем ты сейчас меня держишь? Отпусти! Я должна отпереть двери!..

- Ради всего святого, не впускай это сюда! - вскричал ее муж, дрожа.

- Ты боишься собственного сына! - выкрикнула она, сопротивляясь. - Отпусти меня! Герберт, я иду, я уже иду!

Стук повторился, еще раз, и еще раз. Пожилая леди внезапным резким рывком высвободилась из рук мужа - и выбежала из комнаты.

Мистер Уайт бросился за ней на лестничную

площадку, с мольбой призывая ее. Она уже сбежала вниз по лестнице. Он слышал, как звякнула снимаемая цепочка, как медленно заскрипел отодвигаемый нижний шпингалет двери. Затем он услышал женский голос, напряженный, запыхавшийся:

- Верхний шпингалет... Спускайся сюда, я не могу до него дотянуться!

Но ее супруг в это мгновение ползал по полу в отчаянной попытке найти лапку. Если бы только он мог найти ее прежде, чем это существо войдет... Стук, словно непрекращающаяся стрельба, отражался от стен дома, и мистер Уайт услышал тут же звук передвигаемого женой через коридор к двери кресла и скрип отодвигаемого шпингалета. В этот же миг он нашел обезьянью лапку и с неистовостью выдохнул третье и последнее свое желание.

Стук внезапно стих, хотя эхо его все еще звенело в доме. Мистер Уайт услышал, как было отодвинуто прочь кресло, - и как распахнулась дверь. Пронизывающий холод ворвался на лестницу. Его жена закричала, и громкий, долгий ее вопль, преисполненный разочарования и боли, придал ему смелости. Он сбежал вниз по лестнице... К двери, затем к калитке...

Колеблющееся пламя уличного фонаря освещало тихую и пустынную дорогу.

МАКСИМ ГУРЕЕВ

**ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ,
ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ
КУЛЬТУРЫ**

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЖИЗНИ

1) Невозможно учиться разумному восприятию жизни на чужих ошибках, если большинство публичных лиц предпочитает "стерильную" биографию.

2) Самые смелые люди - это поэты: они не боятся честно открывать свою душу целому народу и всему миру, не боятся ошибиться в порывах своего творчества и быть непонятыми.

3) Самые трусливые персоналии - это политиканы: за их четко отшлифованными риторическими тирадами не стоит ничего, кроме жалости к себе и боязни перед возможными вербальными и невербальными атаками.

4) Настоящая поэзия не только красива по форме, но и всегда искренна по своей сути. ЕСТЕСТВЕННАЯ красота всегда превосходит

искусственную. Поэзия выражает ЕСТЕСТВО Поэта, и - Даё Бог! - чтобы это естество было красивым.

5) О некоторых людях приятнее вспоминать, чем продолжать общаться с ними.

6) Настоящий друг - тот, кто, пожелав тебе однажды Счастья с широкой улыбкой на лице, не удивляется и не завидует тебе, когда это Счастье на самом деле сбылось.

7) Почему нынче продается приобретенная способность переставать быть самим собой?

8) На любую злобную крысу найдется порядочный Черный Кот.

9) В публичных выступлениях важно не только то, ЧТО говорят, но также то, КТО говорит и КАК. Впрочем, характеристика "КАК" частично уже включается в определение объекта "КТО".

10) В современности все актуальнее становится девиз: "Посмотри телерекламу и сделай наоборот!".

11) Мудрость - это интуиция, помноженная на опыт и неугасимое желание быть мудрым.

12) Как бы мы ни выражались об уважаемых нами людях - "мудрое сердце" или "сердечная мудрость" - в любом случае мы прекрасно осознаём, что их душевно-духовные качества прекрасно сочетаются с углубленным развитием их интеллекта.

13) Любовь не требует - она просит.

14) Политика, право и экономика краткосрочно и выборочно тактичны, мораль

и нравственность долговременно и глобально стратегичны.

15) Тем, кто считает, что они проявляют "железную логику", замечу, что и железо со временем ржавеет.

16) Словосочетание "девушка с претензиями" по своему звучанию и значению похоже на "яблоко с опрелостями".

17) Где нет греха, там нет и святости. Мир относительности не может обойтись без сравнений.

18) Гордыня губит прогресс духа и тела, гордость - закрепляет их успехи.

19) Трусящие перед смертью выбирают жизнь, трусящие перед жизнью (перед болью жизни и расширением души) - смерть. Герои не боятся ни смерти, ни жизни; они максимально открыты миру во всех его проявлениях.

20) Уважение без любви - что Ветхий Завет без Нового.

21) Что бы ни говорили завистливые злые языки о других, их собственная ничтожная сущность в лучшую сторону от этого не изменится. На чужих грехах не построишь свою святость.

22) Личности всегда нужна сверхзадача. Ставя перед собой сверхзадачу, достигаешь, к примеру, половину задуманного; не ставя сверхзадачи, не достигаешь вообще ничего.

23) Свет истины может быть губителен для тех, кто долгие годы был в плену тьмы предрассудков.

24) Каким бы отшлифованным и совершенным ни был текст автора, проблема еще и в том, насколько совершенные головы будут его воспринимать и интерпретировать. Исходное качество воды не зависит от того, попадает ли она в полноценный сосуд с крепким дном или проходит сквозь решето...

22:20, 29.09.2009 - 02:03, 1 ноября 2010

Содержание:

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

"Мир волнует, трепещет, тревожит, и требует сути..."

Григорий КНЯЗЕВ ...	8
Степан ДМИТРИЕВ ...	16
Владимир ШАДУРСКИЙ ...	20
Елена ПЕТРОВА ...	23
Наталия АБРАМОВА ...	27
Мария АНДРИАНОВА ...	28
Светлана ПОПОВА ...	30
Сергей АРСЕНТЬЕВ ...	36
Анна КУКУШКИНА ...	41
Марина АЛЕКСЕЕВА ...	45
Дарья ПЕРЕВАЙ ...	51
Наталия МАРКИНА ...	56
Дарья ЧЕРНАЯ ...	58
Евгений ПРЯНИЧНИКОВ ...	61
Галина КОРШУНОВА ...	62
Яна ВАЛЕРЬЕВА-ЛЕБЕДЕВА ...	64
Виктория ВОЛКОВА ...	70
Игорь ИСАЕВЪ ...	71
Виктор КАРПУШКИН ...	79
Олег ЯРОВИКОВ ...	82

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

*"А НАША ЖИЗНЬ – ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ,
КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ ПЕРЕВЕРНУТЬ".*

Юрий ФАБРИЧНИН ...	86
Анатолий ЖУКОВ ...	95
Сергей ИВАНОВ ...	101
Владимир БЕРЕЗОВСКИЙ ...	107
Ирина НАЗАРОВА ...	111
Евгений ПОТАПОВ ...	117
Виктор ХРАБРОВ ...	119
Евгений ИВАНОВ ...	121
Сергей КАРТАШОВ ...	125
Сергей ПАРХОМЕНКО ...	129
Гарри БЕРСОН ...	131
Людмила МАКСИМЧУК ...	134
Тамара ПУСТОВАЛОВА ...	144
Владимир ИСАКОВ ...	146

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ

***"ВНЕЗАПНО, КАК ОТ ШАЛЬНОЙ ПУЛИ, ЗАХЛЕБНУЛОСЬ
СЕРДЦЕ"***

Руслан ДЕРИГЛАЗОВ ... 150

Виктор КУТКОВОЙ ... 162

Евгений ЖУКОВ ... 170

Дмитрий ИВАНОВ ... 183

Людмила ЖУРАВЛОВА ... 201

СВЕТЛАНА ГОРИНА ... 212

Марина АНДРЮЩЕНКО ... 219

МАКСИМ ГУРЕЕВ ... 237

Ярославов день:

Сборник стихов и прозы

Великий Новгород
2010

Оригинал макет подготовлен
пресс-центром "НовГУ-информ"
(В. Березовский)

Изд. лиц. ЛР е 020815 от 21.09.08

Подписано в печать 22.11.2010

Формат 60x84 1/16

Усл.печ.л. 12,1 Уч.-изд.л. 6,42

Тираж 500 экз.

Заказ е

Отпечатано в ЗАО "Новгородский технопарк"

173003, Великий Новгород,

Большая Санкт-Петербургская 41.

Тел. 73-76-76

